

Асн–2 (Снежная королева)

*Ангел специального
назначения - 2*

Глеб Егорович Исаев

Annotation

Книга вторая Ангела специального назначения

- Асн-2 (Снежная королева)

- Часть первая

- Вступление

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Глава 5

- Часть вторая

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

Асн-2 (Снежная королева)

Часть первая

Амазонка

Вступление

Берег вынырнул из тумана, словно стена цвета бешеной зелени. Раздвигаю невиданные тропические лопухи и, скользя на глинистом срезе, выползаю на сушу. Только здесь понимаю, что это не совсем я. Загорелые руки, огромный циферблат хронометра на запястье. В недоумении повожу плечами. Мышцы бугрят пятнистый камуфляж. И, словно в отменной стереосистеме, слышу свой голос. Вернее, голос Алексея, моего недавнего спутника. Оборачиваюсь и настороженно слежу за парящей гладью.

— Оторвались, — мой голос хрипит, срывается в кашель. — Азим, ты как?

— Нормально, Алекс, только Мурена нас все равно достанет. Он здесь хозяин. В этих местах, без его ведома, никто и охнуть не смеет. — Смуглый, как подкопченный варан, спутник машет головой, разгоняя мошку, и сипло втягивает прокуренными легкими воздух.

— Все, хватит, хватит Азимушка отморозками своими пугать, я твои разговоры третий день слушаю. Однако ведь живы пока».

Оля неожиданно сообразила, что разговор идет на испанском. Ослабив доводы рассудка, понемногу растворилась в чужом сознании и перестала обращать внимание на свое неучастие в картинке.

Едва продышались, как Леха скомандовал: — Подъем, брат, отдыхать в Раю будем, если пустят. Бежать надо.

Громко сказано. Бежать по джунглям — это значит ползти с черепашей скоростью, размахивая мачете на манер Чапаевских кавалеристов, прорубая дорогу в зарослях, при этом, не забывая смотреть под ноги, чтобы не отдавить хвост местной ползучей твари. Изматывает подобный темп куда сильнее, чем бег по пересеченной местности с полной выкладкой. «Отмахав» за час около пятисот метров, уперлись в тропу, пробитую кабанами. Идти стало чуть легче. Однако удобство оказалось обманкой. Тропа, вильнув несколько раз среди могучих деревьев, повернула обратно, к реке.

Далеко уйти не успели, может, и к лучшему. Результат был известен заранее. Долго-ли сумеет прятаться какой-нибудь американец на захолустной российской помойке от местных гопников? Так же и здесь. Аборигены шли следом, не особо и напрягаясь. Могли топать и дольше, да, видно, наскучило.

Изначально дохлое предприятие завершилось логическим итогом. Окружили и, наставив с десяток стволов, недвусмысленно

предложили сдаться по хорошему, выпустив предупредительную очередь поверх голов.

Пленников превентивно избили. Без особого рвения, но умело. Впрочем, оставили в сознании скорее не из природного гуманизма, а чтобы смогли двигаться самостоятельно. Наконец, утомившись экзекуцией, усадили под неприметным деревцем. Пока веселились, стемнело. Ночь в джунглях — время особое. Если уж застала, сиди где сидишь и не рыпайся. Леха облизнул разбитую в кровь губу, и задумчиво прикинул их с Азимом утренние перспективы. Несомненно одно — за убийство своего вожака смерть герильеро им выберут самую что ни на есть лютую. Не имевший особых причин грустить о гибели старшего компаньона, преемник на посту лидера партизан активно возражал против нездоровой тенденции. Оно и верно: Стоит спустить с рук одному проходимцу, завтра появится десяток желающих проверить на прочность и его, наследника, черепашку. Поэтому наглец, застреливший их команданте, заслуживал не просто жестокой казни, а показательного изуверства.

На авантюру с ликвидацией местного Соловья разбойника, а по совместительству предводителя партизан, Алексея подписали неделю назад. Причем, как говорится, не спросили и имени. В общем, задачу нарезали в приказном порядке. А то, что место незнакомое и без подготовки — по барабану. Приказ есть приказ. Выполни, потом обжалуй. Поэтому, когда проводник указал на карте место работы, Алексей справедливо рассудил, что продукты брать в обратный путь — лишнее. Никто их назад и не планирует. Спишут на боевые потери и все.

«Это мы еще посмотрим», — За время службы в отряде Леха успел привыкнуть, что его все время норовили загнать, куда Макар телят не пас. И, что характерно вовсе не удивлялись, когда он возвращался живой. Вот и сейчас. На бумаге задача выглядела простой и незамысловатой, словно детская считалка: Переход, сутки на подготовку, выстрел, кстати, самое простое действие во всей этой истории, и огородами назад. Только, как оно и водится, жизнь внесла свои коррективы буквально с первых минут. Иными словами все пошло наперекосяк. И хотя задачу Алексей выполнил, но теперь, на исходе третьих суток, в течение которых кореша покойного гнали их по джунглям, как зайцев, история, наконец, подошла к логическому завершению.

Мурена, такое характерное прозвище носил брат и приспешник застреленного Лехой командира повстанцев, связался по рации с базой, вызвав катер и расположился на ночлег возле безымянной речки.

Впрочем, экзекуцию главарь решил начать, не дожидаясь

прибытия в лагерь. Прямо здесь. Его задачу облегчало наличие в местной флоре одного хитрого деревца, сок которого действовал на человеческий организм куда сильнее серной кислоты. Кожа от него сползает, как кожа с молодого картофеля, а уж какие муки при этом испытает человек, говорить излишне. Легкий надрез в коре даст достаточное количество этого рассола, чтобы освежать их спины еще до рассвета. Леха сосредоточился и направил ход энергии в места соприкосновения с изуверским соком.

Самовнушение на какое-то время сможет нейтрализовать действие кислоты, необходима лишь концентрация.

Время шло. Утомленные погоней спутники зловредного родственника мафизы устроились невдалеке и, выставив часового, заснули. Не спал только Мурена, который сидя возле костерка, тянул из плетеной бутылки местный самогон, и судя по кровожадным взглядам на пленников распял себя картинками завтрашней казни.

Азим, местный проводник Алексея, уже почувствовал действие чудо-дерева и вертелся, как уж на сковородке, взвизгивая от нестерпимой боли в спине и в руках. Леха молчал. Напрягая и расслабляя кисти, он старался, чтобы кожа связывающих его ремней лучше пропиталась соком. И уже через час заметил, что вязка начала слабеть. Внушение на веревку не действует, поэтому она должна сгореть раньше. На то, чтобы освободить руки ушла пара часов. Угомонившийся главарь мстителей тихо дремал у костра, сжимая недопитый жбан, ночная тишина прерывалась лишь цокотом местных цикад, и периодическим воем. Кто орет в темноте и зачем, Лехе было совершенно без разницы. Он осторожно глянул на спутника. Увы, Азим, потеряв сознание, обвис на веревках.

Дождавшись, когда часовой встал и направился к палатке, чтобы разбудить сменщика, Алексей рванулся в сторону, уходя в тень, отбежал несколько десятков шагов и тут же залег под прикрытием густых зарослей. Крик и суета, поднявшаяся в лагере через несколько минут после его исчезновения, напомнили Черкизовский рынок, в момент облавы на нелегалов. Суета, вопли, матерные выражения и полная неразбериха. Все, как полагается.

Как и следовало ожидать, спутники Мурены кинулись в разные стороны, слепя друг друга светом фонарей. Наконец один из следопытов оказался совсем рядом с замершим в траве. Короткая подсечка, удар в горло, и вот уже Леха разбогател на потрепанный «Калаш», местный нож-мачете, размером с хорошую саблю, и фонарик. «Уходить будем, не прощаясь», — Алексей

ужом отполз подальше от места стоянки и рванул к реке. Нарочито громко хрустя ветками. Такую методику смело можно назвать «Лось по просеке». Подлетев к реке, с громким плеском рухнул в черную воду. Что и сказать, ночное плавание в местном водоеме — занятие не для слабонервных.

То, что водоплавающая сволочь, по идее, должна спать, не убеждало. Периодически тело касалось чего-то скользкого и явно живого. Но вариантов все равно не было. И вообще. Человек в здешних местах самое паскудное и опасное существо, в чем представители фауны успели отлично убедиться и старались без нужды не приставать. Может, повезло, но проплыв метров четыреста вдоль по течению и не получив никаких повреждений, Леха выбрался на берег. Причем, именно на тот, с которого стартовал.

Ясное дело, Мурена со своей психологией тропического колхозника, рванул бы в подобной ситуации как можно дальше. И, соответственно, посчитает беглеца не дурней себя.

До утра они след не возьмут, будут идти согласно своей логике, поэтому нужно постараться уйти как можно дальше. Рискованно, однако выбора не было.

К утру прошел изрядно. Едва рассвело, сориентировался и продолжил движение. «Нам песня строить и... когти рвать помогает», — усмехнулся он. Бежал под хит Леонтьева: «Я бегу, бегу, бегу, а он мне светит...» одновременно прокручивая в голове события предшествовавшие сегодняшним приключениям.

На Кубу их отправили в составе сводного отряда.

«Для организации противодиверсионного обеспечения базы советников», — как было написано в задании. Однако, по сути, никакой диверсионной угрозы для советико не было и в помине. Кубинцы четко дали понять всем и каждому, что шутить с незваными гостями не будут. И надолго отбили охоту испытывать на прочность рубежи обороны «острова свободы». Поэтому уже через две недели их «перепродали» Никарагуанцам. Их тогдашние власти, озвучив переворот лозунгом социализма, лавочку сторговали у наших подмогу. Вот именно такую, интернациональную помощь Леха сейчас и оказывал стране выбравшей путь социалистического развития. А по сути под громкими фразами скрывалось примитивное участие в разборках с Колумбийскими баронами и прочие уголовные «непонятки».

Однако сейчас, пробираясь сквозь дебри Колумбийской сельвы, Алексею было глубоко плевать на все тонкости внешней политики, и единственно чего страстно желал, вымыться и набить морду своему местному командиру Пабло, как его там, который отправил снайпера на верную гибель и, наверняка, уже забыл о

нем. «Ладно. Задание я выполнил, а остальное — дело их совести. Главное, убраться подальше».

Бежал все утро, пока не взошло солнце, и стало невозможно дышать.

Крик мелкой лесной живности, радующейся наступлению нового дня, лез в уши. Леха выбрал укромное место под заваленным стволом и задремал. Проснулся ближе к полудню. И вовсе не потому, что выспался. Разбудило его что-то неторопливо ползущее по ноге. Сохраняя неподвижность приоткрыл глаза и обнаружил, что вдоль тела перемещается громадная змеюка толщиной с приличное деревце. Тварь мерно поводя маленькой треугольной головой явно оценивала потенциальную добычу раздвоенным языком.

«Ну что за нафиг, не успеешь заснуть, норовят слопать?» — не слишком расположенный к общению с гадами, Леха змей не любил, но жизнь заставит, не такое сожрешь. Поэтому выбрав момент рубанул мачете и смахнул голову представителю холоднокровных. Подождав, когда змеюка затихнет, ободрал и наскоро приготовил обед.

Поджаренного на слабеньком огне удава назвать вкусным рискнул бы не каждый. Не деликатес, но тут не до изысков. Подкрепился и двинулся вперед. По всему выходило, что погоня отстала. А может, просто довольствовались одним пленником. Так или иначе, признаков людей в джунглях не ощущалось. И тут Алексей заметил нечто странное. Зелень тропического леса однообразна, и когда в ее природном хаосе обнаруживается искусственное строение, то, как бы оно ни заросло, все равно бросается в глаза. В данном случае это были развалины. Кладка из огромных, зеленых от времени и мха, камней с обтесанными ветром краями.

«Давно это было», — хмыкнул Алексей, приблизившись к развалинам. Часть стены, обломки, напоминающие полуразвалившийся склеп. Нечто вроде фигуры с оторванной головой. Обтесанные стены испещрены «кракозябрами» неизвестного алфавита. И едва приметная от густых зарослей расселина в скале. Протиснувшись сквозь зеленый полог Леха оказался в пещере. Посветил фонариком, и увидел уходящий в темноту проход. Любопытство победило. Осторожно прошел вперед с десятков метров и лишь чудом не рухнул в замаскированный провал.

«От, суки, понастроили, — ругнул исследователь неведомых шутников, посветив вниз. Луч отразился от стен колодца, покрытых толстенным слоем пыли и паутины». И чего ты рассчитывал там увидеть? — задал резонный вопрос рассудок. —

Валить надо отсюда». Однако, вопреки голосу рассудка, разбежался и перемахнул провал. " Гляну, чего там, и назад», — успокоил он себя. Коридор несколько раз вильнул и, наконец, закончился массивной когда-то, но совершенно истлевшей сейчас дверью. Только щеколда с несколькими скобами удерживала криво висящие доски от падения.

«Когда-никогда, все одно упадут», — пробормотал Алексей и недрогнувшей рукой дернул скобу. Железяка оказалась на редкость тяжелой. «Ого, чугуны, что ли?» — замахал он потянутой кистью. Посветив внутрь, понял, что чувствовал Али-Баба, посещая пещеру своего имени... Сводчатый потолок. Расписанные непонятными каракулями стены, а посередине, на небольшом возвышении, громадный ящик. Стукнув по стенке, понял, что ящик или битком набит, или имеет очень толстые боковины.

«Неужто, книги? Точно, спрятали, чтобы сохранить», — сдохнул Алексей. Конечно, он уже давно понял, что и ручка, и ящик, как его ни назови, из золота. И в ящике, наверняка, драгметаллы. Однако никакого восторга по этому поводу не испытал. Воспитание и отдаленность от цивилизации не позволили впасть в золотую лихорадку.

«Ну, сувенир какой-нибудь, если только, а так, чего с ним делать?» — он все же заглянул внутрь саркофага и слегка разочарованно убедился, что тот до краев набит разным хламом. Вынул из развала маленький обруч. Предмет напоминал... Точно. Браслет. Сделанный из толстой полосы непонятного металла он бугрился залепленными грязью выступами.

— Тьфу, — оценил Леха качество, однако, махнув рукой, сунул в карман.

«Пусть будет, все память», — решил путешественник, заметив, что свет стал слабеть. Развернулся и двинул на выход. Едва успел выйти к свету, как фонарь сдох.

Стряхнув тысячелетнюю пыль, Леха, наконец, рассмотрел сувенир.

«Да, не Эрмитаж, лучше бы пару гранат спрятали», — невнятный цвет потускневшего металла, изрезанного загадочными узорами, и тусклые камни, громадные, но совершенно безжизненные, не впечатлили.

«Ладно. Взял и взял», — выбрасывая из головы глупости, определился по солнцу. Карта в памяти подсказала, развалины находятся где-то северо-восточней от устья.

«Однако, пора и честь знать», — решил беглец, и уже через несколько минут развалины исчезли, слившись с окружающей растительностью. К своим вышел на третий день. Воплотил первую мечту и помылся. Набить морду главарю повстанцев не

удалось. За день до возвращения Алексея неизвестный доброжелатель сунул в джип Пабло полкило тротила. Которым и подорвал надежду местных революционеров к местной матери. Злые языки связали эту наглую выходку с Муреной.

Так или иначе, со смертью предводителя игры в сельве закончились, и местные бандиты продолжили свои разборки уже без бряцания коммунистическими лозунгами. А группу срочно выдернули назад. Погрузив в военно-транспортный борт, прямиком на родину. Досмотра практически не было. Так, пробежался толстенький таможенник, отбирая журналы с девочками и лишнюю пару джинсов. Забытый в разгрузке, браслет благополучно прибыл в страну победившего, на тот момент, социализма.

Куда он подевался, Леха и не помнил.

Глава 1

Ольга проснулась и долго лежала в темноте.

«Прямо триллер, а не сновидение», — сон из Лехиной жизни был таким реальным и ярким, что нужно было время прийти в себя, успокоиться.

Наконец, проснулась окончательно и, нацепив тапочки, вышла на кухню. Вот уже год прошел после ее приключений. Вместе с подорванным коттеджем закончились и криминально-чекистские игры. Бывший генерал, и ее злой гений, благополучно взлетел на воздух вместе с подручными.

Какое-то время жила у Глеба. Паренек оказался старым приятелем Алексея, но ей казалось, что он все время видит в ней свою Ирину. Поэтому ближе к зиме, не прощаясь, исчезла из его жизни. В гостиницу не вернулась.

Денег, заработанных шпионскими играми, хватило, чтобы снять приличную квартиру на окраине. Зима, уже вторая в городе на Неве, прошла скучно. «Сидеть в конторе? — Тоска. Зарабатывать торговлей? — Еще хуже».

«Ни богу свечка...» — уныло думалось ей, когда долгими зимними вечерами, перебирая струны гитары, сидела на кухне своей скромной хрущевки.

Глядя в окно и подбирая аккорды к ударам стылого ветра, вспоминала чужую жизнь.

Все началось, когда она, только окончив школу, рванулась покорять театральные подмостки столицы. Итог закономерен. Тут бы и окончилась ее непутевая жизнь, не случись тех событий... Чужая память, чужие умения. Как это вышло? Так и не поняла. Только вышло. Погибший в чеченских горах разведчик не ушел в небытие сразу, а попал в ее память... Защитил и научил многому. Хотя, рассказать кому, прямая дорога в Кашенко...

Лехиных приключений хватило бы на четверых, а после них все, что бы ни придумывалось ей, казалось пресным и скучным. Однако зимняя стужа все-таки сменилась легкой оттепелью, вскоре потекли весенние ручьи, и, наконец, мартовское солнце высушило асфальт на Невском и растопило сугробы возле Исакия. Зимняя хандра понемногу начала отступать. И вот, сегодня, этот сон. Вернее, сон-воспоминание.

«А ведь я запросто могу найти эти развалины, — осенило ее, когда утром, заварив крепкий кофе, сидела перед телевизором, слушая бестолковые российские вести. — Что меня здесь держит? Паспорт есть. Нужен план и вперед». Энергия наполнила все тело. Появилась цель. Золото? Да причем тут? Приключения. Вот, что

радовало. Голова, словно включенный на разгон процессор, выдавала новые детали, формируя их в реальный план.

«Должок, — напомнила о себе сломанная ключица. — А долги нужно платить». Разыскала ноутбук и загрузила поиск.

«Так, сибирский филиал Атолла. Документы по аренде транспорта», — включила отправку.

В сообщении кратко обрисовала перспективы развития ситуации и предложила купить у нее весь пакет документов за каких-то, ха... несчастных триста тысяч евро. Плюс компенсация за моральный ущерб. Ну, сотня. Всего — пятьсот. Поняв, что сосчитала неверно, менять не стала: «Пятьсот так пятьсот. Их проблемы».

Миллион, слишком по-купечески, а половины на поездку как раз хватит. Азарт и веселое нахальство переполняли.

Ответ пришел на удивление быстро. И звучал кратко. Как она и ожидала, всерьез ее не восприняли.

«Сами виноваты», — хмыкнула Оля. Отправка части документов в другой адрес заняла еще меньше времени. Копия ушла в третий. Этот оказался понятливей. И согласился на все условия. Еще бы, Главному инженеру «Атолла» было, что терять. Учитывая, что в случае разоблачения его шалостей, разозленные шефы могли не только отобрать несправедные деньги, но и загнать лиходея на нары, то пятьсот тысяч за свободу и благополучие не показались ему большой суммой.

Номер счета, подтверждение перевода денег, отправка файлов с компроматом. Вся операция заняла два дня. А вот теперь наступила пора выселяться. И быстро. Объект шантажа вполне может попробовать вернуть деньги и устранить нахального вымогателя. Ну, пробовать ему никто не запретит.

Ольга шла мимо старого, двухэтажного домишки. Такие хибары строили в конце пятидесятых. Сейчас дом представлял жалкое зрелище. Расположенный слишком далеко от центра, чтобы заинтересовать крупных торговцев недвижимостью, он тихо разваливался без какого-либо ремонта и ухода. Неожиданно, в двух шагах от нее, прозвучал ломкий, срывающийся на визг, голос.

Несуразно звучащий в таком исполнении мат и шум падения привлекли внимание. Она заглянула в тупичок.

Картина, знакомая до слез. Несколько вполне сформировавшихся балбесов с азартом пинали мужика явно бомжеватого вида. Удары, недостаточно сильные, чтобы вырубить разом, но вполне способные в конце концов убить, сыпались градом. Что-то заставило Ольгу остановиться.

«Ох, не стоит тебе лезть », — одернула она себя, уже делая шаг в сторону разошедшихся пацанов.

Короткий толчок открытой ладонью снес крайнего не хуже удара пудовым кулаком. Агрессор рухнул в набитые мусором пакеты и тоненько завыл, не в силах набрать воздух в легкие. Остальные, опешив от внезапного вмешательства, получили свое так же быстро и радикально.

«Не смертельно, оклемаются минут через десять», — окинула Ольга взглядом место битвы, больше напоминающее сейчас лежку котиков.

— Вставай, дед, — помогла она подняться бедолаге. К ее удивлению, от бомжа не воняло, а пальто, даже после столь активного валяния по асфальту, сохранило опрятный вид.

Старик приоткрыл глаза и осмотрелся: — Спасибо, дочка. Только зря ты. Я бы потерпел, а сейчас меня с этого двора точно выгонят. Ну, да все равно, спасибо. Дед отряхнул брюки и собрал растрепанные седые волосики в пучок, затянув на затылке в подобие узла.

— Иван Максимович, — он церемонно поклонился и, Ольге показалось, чуть было не приподнял отсутствующую шляпу.

Старик глянул на обидчиков: — Чувствую, скоро детки проснутся, и лучше, если нас с Вами, милая барышня, в этот момент здесь не будет, — он вопросительно глянул на спасительницу: — Извините, не представитесь, а то мне неудобно обращаться к Вам так, без имени.

— Оля, — ей стало смешно: «Чего в наше время ни увидишь. Бомжи — интеллигенты».

Она повернулась и вышла на тротуар. Отойдя пару кварталов, старик остановился и задумчиво глянул на нее.

— Позвольте вопрос? — в уже знакомой манере обратился собеседник.

— О чем? — она оглянулась, прикидывая, не преследуют ли их.

— У Вас очень характерная манера улаживать конфликты. Ни одна из моих знакомых барышень не вмешалась бы в такой ситуации. Правда, у меня знакомых девушек не очень много, — поправился собеседник, — но все же. А вот раскидать, так вообще ни одна бы не смогла. Вы спортсменка? Если не хотите, можете не отвечать, это, в принципе, вопрос вежливости.

«Смешной старик», — вновь подумалось Ольге. И неожиданно ответила правду:

— Учил меня один китаец, а вообще, учителей хватило.

— Да, Вы очень интересный человек, — покивал головой Иван Максимович.

— А Вы бомж? — напрямик спросила Оля. — Почему они Вас били?

— Что значит бомж? Если по документам, то нет. А фактически, — он помялся, — ну, я ночевал несколько раз в подъезде этого дома. Здесь замок на двери простой. А мальчишки прогоняли, — рп сказал это так просто, словно не его только что безжалостно, хоть и неумело, пытались убить озверевшие от безнаказанности сопляки.

Ольга хмыкнула: — Ничего себе выгоняли? Они же Вас могли забить насмерть.

Иван Максимович пожал плечами, от чего старенький шарф разошелся, и на шее обнаружился громадный синяк: — Да что с них взять? Они не виноваты. Очевидно, я сам спровоцировал их, не успев убраться вовремя из тупика.

— Интересная позиция, Вы, дедушка, не толстовец?

— Да какой я толстовец. Вы правильно все поняли, бомж я, де-факто. Хотя и коренной Ленинградец. Так уж вышло. В моем статусе не до философствования. Кто сильнее, тот и прав. Так что стоит ли... — он не стал продолжать, а просто махнул рукой, отмечая тему беседы, как нечто скучное и не стоящее внимания.

— Очень Вам благодарен, — вновь поклонился он, — пойду, постараюсь привести себя в порядок и подыскать ночлег, — он развернулся и шагнул в сторону перехода.

— Иван Максимович, — повинувшись внезапному порыву, Ольга остановила уходящего.

— Проводите девушку до метро, а то вдруг эти хулиганы вернутся. Мне одной боязно, — она весело улыбнулась.

— Да уж, — старик тоже сощурил глаза в улыбке. — Вы, я заметил, совершенно незащищены, но отказать даме, пусть и столь юной, не смею.

Они двинулись по тротуару, неторопливо переговариваясь о каких-то пустяках, как давно знакомые люди.

История его, похожая на сотни, а то и тысячи подобных судеб, все же выпадала из общего числа.

Иван вырос в Ленинграде, закончил мореходку, плавать начал четвертым помощником. За двадцать лет вырос до капитана дальнего плавания. Огромная ответственность, необходимость держать в узде самый разный экипаж. Умение принимать мгновенные решения — все это у него было. Однако, строгий командир, умелый руководитель в море, на берегу он становился совсем другим. Женился рано, через год родилась дочь. Жили хорошо. Вернее, так считал Иван, когда возвращался из рейса, и встречали его веселые лица родных. Хорошая квартира, достаток. Машина, дача. В общем — живи, не хочу. А Иван хотел в море. На берегу он скучал. Томился в безделье, не зная, чем занять длинный отпуск. И, кое-как отгуляв пару недель, сбегал в рейс. Хозяйством и воспитанием дочери занималась жена.

Однако все хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Перестройка застала врасплох. Сокращения в пароходстве ударили в первую очередь по пенсионерам. А Иван Максимович аккуратно разменял пенсионный возраст. Не спасли ни заслуги, ни ордена. Моложавый пенсионер оказался в круговерти новой жизни. Как нарочно, неприятности покатались как снежный ком. Накопления сгорели в девяносто первом. А денег было очень даже немало. Если бы не Павловская выходка, то жил бы Иван припеваючи до самой смерти. А так, вышло, что и нет больше денег. Жена, последнее время жаловавшаяся на сердце, удар не пережила, инфаркт, второй. Чтобы похоронить по-людски, пришлось продать машину. Не принял берег старого моряка. Работы нет, знаний, кроме штурманского дела, тоже. Пенсия — слезы. Умевший ломать ситуацию, он уперся и сделал все, чтобы наладить жизнь. Продал гараж и занялся челночным бизнесом. Благо, что знания языков, хотя бы для грамотной торговли, хватало. Но и тут облом. Прогорел. Вездесущий китайский ширпотреб и мизерные доходы народа подкосили торговлю. Одно радовало, дочка удачно вышла замуж. Муж при деньгах, на своей машине.

Однако, прежде спокойная и ласковая, дочь, понемногу изменилась. Началось с малого. Пару раз, вроде шутя, попрекнула, мол, мы тебя кормим-поим.

Дальше, больше. В большой трехкомнатной квартире сталинской постройки сделали ремонт. «Евро», как похвалилась дочка. Отец, правда, считал, что ремонт сделал квартиру похожей на офис в слаборазвитой Испании, но не спорил. Дочке нравится и слава богу. Подрабатывал, где мог, пока не начало прихватывать. То спина, то сердце. Одно, другое. В общем, не работник, если руками. А самое главное, после ремонта из трех комнат вышло две, но громадных. «Зал, — сказала дочка, — должен быть большим, чтобы в углу мог стоять аквариум, где сможет тихо плескаться бегемотик. А спальня — это наше семейное гнездышко».

— Короче, батя, проблема у нас одна, и эта проблема — ты, — объяснил тестю ее муж, поигрывая толстенной золотой цепью, висящей на шее. — Выбирай куда. Или в дом престарелых, но там «башлять» надо... или. У тебя, кстати заплатить есть чем? Нет? Ну, тогда, решай сам. Только я завтра замки поменяю. Барахло твое выкидывать пока не буду. Может, найдешь чего... тогда и вывезешь.

Онемевший от удивления Иван Максимович кинулся к дочке. Но та лишь сочувственно покивала головой: — Ты знаешь, папа, он у меня кремень. Как сказал, так и сделает. А ты, вот что... у тебя же полгорода приятелей флотских, может, кто на квартиру пустит. А через несколько дней, вернувшись из магазина, он обнаружил, что ключ к замку не подошел. На звонок вышел зять и веско рекомендовал испариться.

Стоя перед захлопнувшейся дверью, старик хотел долбануть кулаком в оббитое панелями железо, но постеснялся соседей. А этот амбал может и с лестницы спустить. На первое время, действительно, приютил старый приятель. Но в однокомнатной квартирке на Лиговке, где, кроме него, жили еще трое домочадцев, было тесно. Пришлось Ивану Максимовичу осваивать жизнь бомжа.

Судиться с дочкой было стыдно. «Менять квартиру точно не захотят, а жить с ними вместе после всего не смогу», — решил он и крепко понадеялся, что возраст скоро возьмет свое, и долго он так не протянет. Однако организм, словно вспомнив молодость, когда Ивану приходилось сутками мотаться с мостика на палубу на пронизывающем ветру Атлантики, сам выгнал все хвори. Нигде не кололо, не болело. Даже сорванная поясница перестала о себе напоминать. Он приноровился оценивать парадные и чердаки. Иногда заходил на вокзалы. Там главное — не примелькаться милиции. Тогда начнут гонять. Пуще всего следил за собой. Деньги, которые удавалось добыть, тратил аккуратно. При любом раскладе выделяя сумму на баню, в которой мылся по

субботам. Угнетало то, что дочкин муж не разрешил забрать паспорт.

«Мы ж пенсию за тебя получить не сможем, — резонно объяснил он свое решение. — А ты, потом, заскочишь — мы тебе денежку и отдадим». Однако, сколько ни пытался пенсионер выскрести свое, вечно что-то мешало. Да и то сказать. Дочке общаться с ним было морально тяжело.

Заботливый супруг пояснил: «В положении она, так что ты смотри, не волнуй ее. Понял?» Иван Максимович не то, что смирился, он приобрел некую философскую уверенность в том, что сам заслужил подобное завершение жизни. Своей беззаботной морской жизнью или, может, еще чем. Однако, заслужил.

К спиртному он с юности был равнодушен. Не переносила печень алкоголь и все. Хмель вылетал через десяток минут, а вот жесточайшее похмелье мучило после невинной бутылки пива три дня. Спасительное в его положении свойство организма помогло выстоять и не сорваться на самое дно. Однако и жить так было сложно. Не такой уж и старый по нынешним меркам, всего шестьдесят пять, он чувствовал, может еще многое сделать. Силы и знания были, но вот что?

Историю его Ольга скорее домыслила по тем коротким фразам, что бросал спутник. «Странно, — она пригляделась к собеседнику. — Вот как бывает».

И тут ее осенило: «Моряк, штурман. Это же самое то, что надо». Картинка, возникшая перед глазами, стояла так зримо, что она даже зажмурилась.

— Вот что, Иван Максимович. — Разговор серьезный. — Вопрос у меня к Вам один: Вы с моторной яхтой управиться смогли бы? И, к примеру, выйти на ней в открытое море?

— С яхтой? — переспросил старик раздумчиво. — Ну, если эхолот и GPS будет, то вполне. А курс — он что для яхты курс, что для лайнера. Это при условии, что движок хороший.

«Ага, — Ольга еще раз пробежала все пункты своего плана. — А гори оно. Будь что будет. Решила. Все».

— Вот что, хочу нанять Вас капитаном на яхту. Собираюсь отправиться в Америку, к примеру. Денег у меня в достатке. Желания тоже. А родных никого, так что, если Вы откажетесь, придется объявление давать, — блефовала она.

Старик почему-то замер, и тут она заметила, что рука его слабо подрагивает.

— Зарплату я Вам положу в соответствии с мировыми расценками. Не обижу.

Иван Максимович как-то по-детски шмыгнул носом и хрипло произнес: — Не надо по мировым. Сколько дадите, столько и

ладно. Я согласен, — он отвернулся и посмотрел вдаль, но, похоже было, не видел ничего.

— Решили, — Ольга торжественно протянула старому мореходу ладонь: — По рукам?

Он дернулся пожать руку, однако сник и замер: — Ох, я ж забыл. Паспорта у меня-то и нет. А заграничный никто без этого не даст, да и регистры у дочки в доме все.

— Ну, это не Ваша проблема, — Ольга почему-то очень сильно захотела познакомиться с семейством, так лихо решившим судьбу его знакомого.

— Документы они вернут. А сейчас мы заедем в магазин, в счет аванса приобретем Вам приличную одежду. И снимем номер в гостинице. Сегодня приводите себя в порядок, а с завтрашнего дня займемся поиском судна. Вперед, — не дожидаясь ответа, Оля встала и двинулась к обочине, на ходу вытягивая руку. Иван Максимович, сраженный не девичьим напором и решимостью спутницы, поспешно двинулся следом.

Сняв два номера в недорогой гостинице, Ольга оставила спутника отдыхать, а сама отправилась за покупками. Не забывая голову, заглянула в первый попавшийся бюджетный магазин, объяснив габариты своего работника ткнув на проходящего мимо мужчину средних лет.

Через двадцать минут свертки с вещами уже оттягивали ее руки. Закинув барахло в номер все еще отмокающего в ванне старика, она развернулась и двинула в банк. Номерной счет — дело знакомое. Перевод поступил вчера. Да, вся сумма, хотите перевести? Куда? Она оформила несколько операций, перегнав деньги на пару транзитных счетов, и сняла тридцать тысяч. «На оперативные расходы», — всплыло явно Лехино выражение. Он словно невидимо возник рядом с ней. Странно, но она почувствовала это присутствие. Стало так тепло и спокойно, словно два больших, похожих на огромные пуховые платки, крыла укрыли ее от остального мира.

«Леша, ты здесь?» — мысленно задала вопрос Ольга. И вдруг огромное облако, закрывавшее солнце, словно по мановению волшебной палочки исчезло. Открылось бездонное небо.

«Это он», — поняла Ольга и улыбнулась.

Следующий адрес она вспомнила из рассказа моряка. Дом на набережной Фонтанки. Войдя во двор, спросила у дремлющей возле подъезда старухи: — Не подскажете, Антонов Иван Максимович в какой квартире живет?

— В сорок третьей он прописан, — словоохотливо отозвалась бабушка. — Тока не живет тут. Дочка с мужем его в интернат отправили.

Ольга отлично поняла ход рассуждений выживших старика из собственного дома кукушат: «Интересоваться, спрашивать все равно будут, а так — в приюте и все. Какие вопросы?»

«Вопросы, однако, есть», — Ольга шмыгнула в открывшуюся дверь, за выходящей из подъезда молодой женщиной с малышом на руках.

Дверь в квартиру распахнулась, едва она нажала кнопку.

— Тебе чего? — встретил ее вопросом полураздетый цыганистый крепыш в тренировочных штанах. Волосатая грудь и наглые глаза довершили картину.

Разговаривать с таким — только время терять.

Вместо приветствия Ольга ткнула пальцем под кадык навороченному хозяину и прошла в комнату, перешагнув через рухнувшее на пол тело.

Крепыш, судорожно выпучив и без того круглые глаза, пытался справиться с внезапной слабостью, лишившей его сил. Он сидел, привалившись к стене, и едва мог вдохнуть глоток воздуха.

— Двери закрывай, — попросила Ольга. — Что? Не можешь? А когда замок ставил? Смог? Ладно, давай поговорим.

— Где документы Ивана Максимовича? Только не врать, иначе, прости за грубость, яйца раздавлю.

— Хозяин без хозяйства, — хмыкнула она каламбуру. — Ну? — приближенный к криминальным кругам, а потому враз понявший, что с ним не шутят, и при всей миниатюрности ножки, обутой в остроносые сапоги, угроза совершенно реальна. Опыт великая вещь. Он молча ткнул пальцем на фибровый чемоданчик.

Ольга раскрыла потертый замок и увидела сложенные в прозрачный пакет документы, лежащие поверх фотографии, на которой бравый курсант, улыбаясь, держал в объятиях девушку, неуловимо напоминавшую встреченную в подъезде молодую мамашу. Паспорт, мореходка.

— Все? — она угрожающе нависла над начавшим подавать признаки жизни собеседником. Тот с готовностью закивал головой.

Зайдя в номер Ивана Максимовича, Ольга увидела сидящего в кресле пожилого импозантного мужчину совершенно роскошной фактуры. Аккуратно подстриженная белоснежная шкиперская бородка. Такие же платиновые волосы, стянутые на затылке резинкой, делали его совершенным двойником знаменитого Шона Коннори. Джемпер со скандинавским орнаментом и неброская тенниска совершенно преобразили давешнего бомжа.

— Бог ты мой, — всплеснула Ольга. — Да Вы, прямо,

киногерой, — поставила чемодан на столик: — Вот, здесь документы и остальное. Привет Вам от дочки и внучки. Они очень рады за Вас.

Он огладил чемоданчик по вытертой крышке: — А Вы знаете, Оля, это мой курсантский чемодан. Я с ним на флот пришел. Надо же, думал, и нет его уже. Дочка сохранила. — Оля, Вы не передумаете? — Вдруг спросил Иван Максимович.

— Нет, — твердо ответила она. — Но при одном условии. Суша кончилась. А на море мне нужен не интеллигент «толстовец», а решительный и твердый капитан. Ясно?

— Так точно, — ответил коротко, даже как-то по-военному. Подобрался и даже попытался привстать.

— Мне нужна океанская моторная яхта, небольшая, но экипированная полностью.

— Вот проспекты, — выложила она на стол красочные буклеты. — Подготовка, топливо, продукты, разрешения, карты. В общем, Вам виднее, что нужно. Еще сто. Конечная точка плавания — Перу. Выйти нужно как можно быстрее. Маршрут выбирайте сами, — Ольга выдохнула.

Похоже, только сейчас, глядя на рассыпавшиеся по столу проспекты, Иван Максимович всерьез поверил в реальность всего творящегося. — Да, постараться уложиться можно, — он уже прикидывал первые затраты и нужды. — Вполне реально. Правда, кое-какие моменты я не знаю, но в пароходстве у меня еще знакомые остались, подскажут и помогут.

Ольга отправилась спать, а Иван Максимович долго еще сидел за столиком, перебирая глянцевые листки, делал короткие заметки, ерошил волосы, перекладывал бумаги. И наконец, откинувшись в кресле, с удовольствием потянулся и вполголоса произнес: — А ведь и впрямь, может выйти.

На следующее утро Ольга влетела в номер старика с вопросом: — Ну что, есть варианты?

— Оля, — Иван Максимович вынул из кармана деньги и аккуратно положил на журнальный столик. — Скажу честно, будь у меня желание пристроиться возле тебя и потихоньку тянуть деньги, то я и слова бы не сказал. Однако, не могу. Понимаешь, плавание через Океан — это не прогулка по Ладоге. Дело настолько серьезное, что я не могу взять на себя ответственность за твою жизнь.

— Та-ак, — протянула Ольга, присаживаясь в кресло. — Давайте сначала. Прежде всего: Сложности, какие? По пунктам. Слушаю.

— Первое: запас топлива. В самом лучшем случае придется пройти по открытой воде минимум две с половиной тысячи миль. Это, при расходе примерно три литра на милю, семь с половиной тонн солярки.

— Второе: команда. Три человека — это оптимальный состав. Не может один человек бессменно нести вахту на руле в круглосуточном режиме.

— Третье: риск громадный. Даже опытные экипажи не всегда справляются со штормами в Атлантике.

— Ну, и еще, еще, еще. Оля, почему Вам просто не полететь в то же Перу и не взять моторный катер напрокат там? Этот экстрим совершенно не подходит для молоденькой девушки. Вы поймите. Тяжелая мужская работа. Болтанка.

— Стоп, — оборвала монолог слушательница. — Вы сэкономите кучу времени, если перейдете от описания ужасов одиночного плавания к выводам. Я вам помогу слегка. Если Вы заботитесь о моей безопасности, то это преждевременно. Нам еще пока совершенно ничего не угрожает. По крайней мере, с этой стороны. А если Вы отказываетесь из опасений за свою жизнь, это совсем другое. Я не хочу пока забивать голову своими рассказами, но, поверьте, не так много в мире вещей, которые могут меня напугать. И, с Вами, или с другим капитаном, я все равно выполню намеченное.

Капитан тяжело вздохнул, однако, как ни странно, в душе он был даже рад той отповеди, которую услышал от хозяйки.

— Я не боюсь за себя, только хочу, чтобы и Вы полностью осознали — дело очень сложное, — Иван Максимович пожевал губу, подбирая сравнение: — Мне бы не хотелось в открытом море выслушивать жалобы и упреки.

— Ясно. Значит, все точки расставлены, — Ольга сама удивилась той непреклонной жесткости, с которой она приняла возможное отступление от первоначального замысла. Точно какая-то сила заставляла ее идти вперед, сметая все преграды. Она прислушалась к себе. «Еще вчера этой твердости и уверенности в своих поступках не было и в помине», — поразилась своему новому состоянию.

— Итак. Что Вы нашли? — она все же постаралась смягчить тон вопроса улыбкой. — Ну, не томите.

— Есть один вариант, пожалуй, единственный в нашем случае. Моторная яхта Эллинг. Их делает одна шведская фирма на заказ. Обычно в сэйле их нет, но, видно, кто-то нам ворожит. Продается уже полгода, так что цена будет меньше, чем у новой. Достоинство ее — запас хода до полутора тысяч миль, а если поставить дополнительный бак и заполнить емкости на палубе, то и все две. Полная экипировка. Класс мореходности без ограничений...

Ольга дернула плечом: — Вы капитан, Вам и карты в руки. Считаете подойдет, значит, едем смотреть. К чему забивать мне, сухопутной крысе, морскими терминами? Собираемся и вперед. Через пять минут я переоденусь и за Вами зайду. Ольга, словно тайфун, сорвалась с кресла и исчезла.

Понимая, что фраза про пять минут не больше, чем идиома, когда это женщина могла собраться за такой срок, Иван Максимович созвонился с продавцами и выяснил, где находится салон. Каково же было его удивление, когда в номер вошла строго одетая элегантная дама в неброском, но, явно, купленном не на Черкизовском рынке, костюме и с нешуточным бриллиантом, блеснувшим на безымянном пальце. Он недоуменно глянул на часы. Прошло четыре с половиной минуты.

Сделку совершили настолько быстро, что менеджер еще долго приходил в себя от крутости русской «бизнес-леди», образ которой талантливо воплотила в короткой мизансцене Оля. Она коротко распорядилась внести в договор пункт о дополнительных работах, с целью подготовки яхты к спуску на воду. И срезала цену на двадцать процентов. Именно до той, за сколько и планировали продать хозяева. Иван Максимович, хоть и ошалел от ее напора, тем не менее, внимательно осмотрел судно. Не удержался и незаметно показал Ольге большой палец. Девушка смахнула с лица напускную строгость и подмигнула компаньону. Выйдя из салона и перечитав договор, она совсем по-девчоночьи запрыгала вокруг спутника.

— Яхта, яхта, пароход. — Я хозяйка... — она внезапно остановилась: — Иван Максимович. На Вас оформление морских

документов. Платите, сколько запросят, но чтобы сделали быстро. Есть какие противопоказания по сезонным прогнозам?

— Придется пересекать «ревущие сороковые», а они в это время очень беспокойные. Но, думаю, проскочим. Сейчас весь вопрос в команде и дополнительном снаряжении.

— А вот «ревущими» девочку пугать не надо. Разберемся.

Капитан шел рядом с излучающей уверенностью спутницей и никак не мог прийти в себя. Оказавшись на палубе небольшого, всего сорок пять футов, судна, он все равно был так счастлив, что не мог сдержать слезу. Пусть оно и было букашкой в сравнении с теми суперлайнерами, которыми ему довелось командовать, но это было его судно. И вполне могло стать, что он сможет уйти на нем от этой оказавшейся настолько неласковой к нему суши.

События завертели так, что у них не оставалось свободной минуты. Деньги зачислили, и продавец, перегнав яхту на лодочную станцию, передал ключи и документы новым хозяевам. Яхта качалась на легкой волне возле низенького пирса.

Тем временем Оля обдумывала самый важный вопрос. Конечно, о третьем члене команды. Что греха таить, сложность в этом деле не поспешить, а не угадать. Был у нее вариант. И вот теперь, взвешивая все «за» и «против», размышляла. «За» — было то, что паренек, вроде, без червоточки. И воспоминания Алексея о нем, хоть и комичные иногда, но без какого-то осуждения. А «против» — то, что срывать человека с места не очень хотелось. Все же, что ни говори, дело предстояло совсем не простое.

«Может и не захочет еще? — отговаривала она себя, тем не менее понимая, что лучшего варианта, всяко, нет. Ладно, что гадать, делать надо», — наконец решила она.

Позвонила с чистого номера: — Здравствуй, Глеб, узнал?

— Оля! — чуть не оглушил старый приятель. — Где ты? Куда пропала? Я...

— Стоп, стоп. Не шуми, туточки я, — оборвала Оля вопли абонента. — После обо мне. Ты как? В порядке?

— Да я-то в порядке... — отозвался собеседник, — Где ты живешь? Как найти?

Ольга убрала трубку от уха, давая ему высказаться. Когда взволнованный голос чуть стих, заговорила снова:

— Встретиться, поболтать ты как, не против? Вот и здорово. Давай в двенадцать возле «левой» лошади. Глеб врубился и коротко подтвердил: — Есть, понял, буду.

— Ну, до связи, — попрощалась Ольга любимым выражением Алексея.

На Невский приехала загодя. Что-то в голосе старого знакомого насторожило.

Глеб пришел вовремя. Однако не тот, уверенный в себе и даже слегка нагловатый начальник службы охраны, с которым она увлекалась подрывным делом в Комарово. Потертый вид. Не сказать сразу, в чем эта потертость проявляется. То ли в чуть измятом плаще, или отросших сверх меры волосах. А может, в походке, ставшей немного иной.

Глеб обернулся, кинулся обнять, но передумал и неловко остановился, не зная, как себя вести.

— Ладно, не время сейчас, — Махнула рукой Оля.

— Уходим огородами, — пошутила она, дернув спутника за рукав.

Они шли вдоль тихой набережной.

— Вот как вышло, — начала Ольга. — Только встретились, и тут же приключения. Рассказывай, как живешь.

— Оля, а ты совсем изменилась, а все такая же.

— Эй, оставь, что за привычка начинать с комплиментов. Коротко. Кто? Где? Чего надо? Казалось бы, куда проще, — она смягчилась. — Ну а потом за жизнь поболтаем. У меня, кстати, есть к тебе одно дельце.

— После всех событий в Комарово живым-то официально лишь я остался, — начал Глеб.

— Тебя они тоже посчитали в доме погибшей. Таскали с месяц. Но обошлось. Отвязались. Дело закрыли, а может, висит еще, не знаю. Но это власти. А вот криминалы, что с Юрием Петровичем работали, земля ему камнем, — озлобился Глеб, — не успокоились. Вот и приходится каждого угла опасаться.

А Ольга продолжала: — Собираюсь я заняться морским туризмом. Ищу компаньонов. Пойдешь со мной? Яхту купила. Капитан опытный. Однако, потонуть можем, запросто. Ну?

Глеб замер, невольно закашлявшись.

Авантюристка поморщилась, логично предположив, что следом начнутся вопросы и советы подумать. Она положила руку на плечо приятеля: Не хочешь, найду другого. Решай. Или вот что. Ответь, что тебя здесь держит?

Глеб помолчал, потом вдруг наклонился к ней и смущенно произнес: — Я плавать не умею и воды боюсь.

Она весело засмеялась: — И все? Да вот это как раз самое простое.

— Если что случится, будь мы хоть трижды чемпионами по плаванию, не выплывем. А с психикой, надеюсь, справишься. Вспомни, как в первый раз на прыжках орал. Леха тебя за шкурку выкидывал.

Глеб смущенно отвернулся, пряча внезапно вспыхнувшее лицо: — Нет, все же ты ведьма.

Он вроде пошутил, но что-то мелькнуло в голосе: — Откуда про это знаешь? Ну не мог ведь он тебе всю жизнь пересказать. Ты, кстати, так и не рассказала, кто он тебе. Сбежала и ни слова, ни записки.

— Я думала, тебе тяжело будет вспоминать об Ирине. Поэтому и уехала, — призналась Ольга.

— Думала она, — пробурчал Глеб. — Ох, не могу на тебя сердиться. А куда плыть собираешься? — спросил он, как бы невзначай.

— Тут рядом. В Перу, — отмахнулась шkodливая собеседница. — Глеб, не тяни резину, вижу ведь, согласишься. Ну, три, четыре, — она кивнула, приглашая продолжить.

— Согласен, — расплылся в улыбке паренек. — Как тебя одну на край света отпускать. Ты же всю их наркомафию в расход выведешь, — пошутил он.

— Вот и хорошо, — девушка подвела черту. — Давай сделаем так. Ты собираешь вещи и тихонько исчезаешь. Телефон в помойку, писем не оставлять.

— Короче, встретимся завтра вот по этому адресу, — она прошептала ему название яхт-клуба. — Поселим тебя на воде. Не волнуйся, там все по высшему разряду. Как в «Астории». Да и я туда переберусь. Раз возникла ситуация, то продолжение, как говорится, следует. А нам проблемы не нужны. Вместе и отбиться легче будет. Да и ты, если что, выручишь, — польстила она компаньону.

Подготовка продолжалась. Уже закупили провизию, выправили необходимые документы. Топливо решили залить в последний момент.

Месяц ушел на всевозможные согласования, оформления и нестыковки. Да и подготовка самой яхты заняла значительно больше сил и средств, чем планировали. Но, в первых числах июля, наконец, созрели.

Они сидели в каюте. Ветерок с Невы легонько задувал в открытый иллюминатор. День выдался нежаркий.

— Завтра последний проверочный выход, и можно трогаться, — обыденно сообщил капитан, помешивая остывший чай в стакане с матерым серебряным подстаканником.

Ольга, с облегчением вздохнула: — Слава богу. А то думала, никогда не соберемся, — ворчливо прокомментировала она, в глубине души, однако, испытывая огромную радость.

Глеб, умудрившийся загореть на неярком Питерском солнышке до кофейной черноты, сидел молча. Он втянулся в работу и был занят мыслями о том, как лучше разместить двадцать коробок с компотами, которые где-то выцепил

сноровистый капитан.

Громкий хлопок и вспышка. Едкий дым повалил от влетевшего в окошко предмета, по палубе застучали тяжелые шаги кованных ботинок. В каюту влетели две упакованные в камуфляж фигуры.

— Лежать, работает спецназ, — нагоняя жути, заорал передний и мощным ударом опрокинул Глеба на палубу. Все замерли. Преимущество было явно на стороне нападающих. Теснота каюты и скученность играли на руку визитерам.

Ольга, сохраняя спокойствие, медленно опустилась на корточки, подняв руки за голову.

— Все в порядке, Мастер, — вполголоса произнесла, обращаясь к капитану. — Вы вообще ни при чем. Она вгляделась в нашивку продолжающего сольную партию маскарадного персонажа: «Спецназ, уже легче. Все не бандиты».

Бойцы сноровисто заковали присутствующих в наручники и замерли, контролируя каждое движение задержанных.

— Максимыч, — прошептала Ольга, — тебя через пару дней выпустят, будь на судне. Жди. Мы вырвемся. Когда, не знаю. На уговоры не поддавайся, ничего не подписывай, помни, нет за тобой грехов...

— Разговоры, — гаркнул боец в маске. — Приклада хочешь? Молчать.

Их выволокли на пирс и загрузили в подъехавший «Соболь».

Автобус, собранный на базе «Газели», был оборудован несколькими зарешеченными «собачниками», так что перекинуться словом с Глебом Ольге не удалось. Однако, перехватив взгляд, отмаячила: «Не дергайся. Все беру на себя».

Глеб, поняв, что Ольга собирается выгораживать его, покатал желваками, но подтвердил команду.

Ехали недолго. Врубив сирену, спецмашина перла по осевой, сгоняя особо нерадивых криканьем и ревом в мегафон.

«Развлекаются ребятки, — усмехнулась Ольга. — Кто же это нас принял? Вариантов несколько. Или по наводке бывших друзей покойного куратора, обломившихся возле памятного места на Аничковом мосту, или... — она задумалась. — А не «Атолловские» уши торчат? Они, вообще, не дураки, вполне могли раскрутить главного инженера и без моей помощи. Ну, а дальше, как говорится, дело техники. Заявление, приправленное приличной суммой, гораздо эффективней просто заявления. А если сумма очень приличная, то и заявления не надо. Сошлутся на оперативную разработку и, за милую душу, на месяц, как

«организованных», упакуют. За это время из святого можно Иуду вылепить. А уж меня, если всерьез начнут разрабатывать, и подавно... Ох, интересно им станет. Ладно, поживем, увидим», — она закрыла глаза и откинулась к прохладной решетчатой стене.

Во дворе, огороженном пятиметровым оцинкованным забором и увенчанным спиралью-путанкой, ожидал конвой.

Выводили по-одному, слышались только короткие команды да редкое взлаивание сторожевых собак. Ольга шла последней. Во дворе, кроме пятерки конвоя, не было никого.

В комнате приемки отобрали все вещи, обыскали. Не то, что грубо. Обыденно. В ходе осмотра у Ольги пару раз возникло горячее желание прекратить этот балаган. Она точно знала, что удержать ее не смогла бы вся опереточная ВОХРа, но удержало понимание: «Сбежать — не проблема. А что потом. Как выходить в море?»

«Ждать, надо ждать», — успокоила она себя.

Никаких обвинений, никаких объяснений. «Узнаете после, — ответ обтекаемый и конкретный. — Мол, отстань, мы и сами не при делах. Наше дело тебя принять, а что, почем, это в другое окошко».

Через час заселили. Камера оказалась вполне комфортабельной. По размеру, правда, чуть больше каюты на Ольгиной яхте, а вместо дуба и кожи — масляная краска и ржавое железо. Духота, это само собой. Маленький вентилятор не спасал. В пятиметровой камерке находилось человек пятнадцать.

Ольга, не знающая всех этих понятий, решила: «Люди везде люди, а если что не так, это их проблемы».

Она осмотрелась, поздоровалась в никуда и спросила, громко, но спокойно: — Кто здесь старший? Подскажите, как определиться.

Полог у ближней к решке кровати отодвинулся, и на бетонный пол прыгнула огненно-рыжая девка с нахальными, слегка косящими глазами.

— Чего орешь? Не видишь, люди отдыхают, — слегка подзагрузила она новенькую. — Первоход, что ли? Понятно. Чего предъявили?

— Молчат, — нехотя ответила Ольга, не зная, стоит ли начать геноцид прямо сейчас или подождать развития событий.

Но девчонка добродушно кивнула: — Ты не шугайся, здесь почти все бытовые. Никто не «наедет». Спать будешь в третью смену, спроси там у кого. Объяснят. Ну, а если непонятки какие, меня Жанной звать, я, как бы сказать, тут «на-старшинку».

Ольга устроилась на краю койки, застеленной жестким одеялом, и задремала. Полудрему оборвал чей-то громкий голос.

— Ах ты, вобла сушеная, — разорвался противный бас. Из редких печатных слов Ольга поняла, что кого-то обвиняют в воровстве. Она глянула в проход. Худенькая, одетая в выцветшую китайскую кофту, девчонка пыталась отпихнуть наседавшую на нее бабу весом в центнер. Тетка умело таскала противницу за волосы, при этом не уставала сотрясать воздух перекатами виртуозного мата.

— Стоять, — рывкнула из своего угла Жанна. — Что за шум, что не поделили?

Бабища набрала в аршинную грудь воздух и затарахтела: — Эта тварь после меня спала, я под подушку спрятала, а проснулась, смотрю, нет. Точно. Крыса сперла, — она вновь потянулась к голове оппонентки.

— Ну? — глянула на девчонку разводящая. — Что скажешь?

Та оглянулась, словно ища защиты, и, наконец, произнесла: — Я не брала.

Видно было, девчонка боится громадной противницы и не в силах связно ответить на претензию.

— А это чего? — громогласно объявила та, указывая пальцем на задний карман девчонкиных джинсов, откуда торчал кончик какого-то платка.

— Покажи, — веско предложила судья.

В маленьком носовом платке оказались завернутые в сторублевую купюру сережки с тусклыми камешками.

«Вещь грошовая, но важен сам факт», — поняла Ольга.

Тем временем Жанна, приняв решение, собралась оповестить о нем остальных.

— Погоди, — приподнялась с места Ольга. — Сдается мне, наветом пахнет, — выбрала она литературное выражение. — Спроси-ка ты и у этой, — кивнула она на «правдоискательницу». — Пусть честное слово даст. Ну, поклянется.

— А чего? Все четко, «доказуха» на кармане, чего тут выяснять? — удивилась рыжая. — Хотя, не убудет. — Слышь, ты. Подтверждаешь предьяву? Под протокол забожись.

Толстуха зыркнула на Ольгу, но вступать в пререкания не посмела. Выпрямилась и произнесла: — Она у меня сережки сперла, чтоб я сдохла, коли вру.

— Ну что? — глянула «старшая», — теперь довольна?

— А ведь за язык не тянули, — Оля свела губы в невеселой улыбке, поднялась и медленно приблизилась к горой возвышающейся над кроватями уголовнице. Касание рукой, совершенно неприметное и легкое, даже не насторожило бабищу: «Провела девка пальцем по шее, и чего? Может, она из этих?» — усмехнулась кобла, но... додумать не успела.

Все вокруг крутанулось и поплыло. Дружный вздох и тяжелое падение. Тетка, только что колоссом возвышавшаяся над вторым ярусом, рухнула на пол и забилась в конвульсиях. Лицо посинело, глаза выкатились из орбит. Она сипела, тщетно пытаясь вдохнуть.

Ольга наклонилась, и громко, отчетливо, произнесла:

— Если правду скажешь, оживешь. Но торопись, секунд пять тебе осталось.

На последних глотках воздуха та просипела: — Соврала.

Короткое нажатие тоненького пальца за ухом, и она, жадно хватая воздух, зашла в долгом, лающем кашле.

— Все слышали? — Ольга повернулась к Жанне. — А ты говоришь: «Чего тут решать?»

— Сама подсунула, на девчонку поклеп возвести решила.

В камере повисла тишина, прерываемая только стонами оживающей бабы и всхлипыванием девчонки.

Ольга присела рядом с плачущей девчонкой: — Все, успокойся, разобрались. Ну, кому говорят, хватит.

Понемногу та угомонилась. Затихла и ушлая тетка.

— Как звать? — поинтересовалась Оля у соседки.

— Наташа, — шмыгнула носом сокамерница.

— За что взяли?

— Из Новгорода я, без регистрации...

Семья Натальи была пьющая. Профессионально. Отец, рукастый и смышленный мужик, встретил перестройку мастером автосервиса. Выпивал, но в меру. Однако шальные деньги, что потекли в карман после открытия российских границ для европейского автометаллолома, сгубили мужика. Дальше скучно.

Наташка скандалила, пыталась достучаться, но, увы. Вход копейка, а вот выход... И вот, не выдержав вечных скандалов и пьянки, едва получив аттестат, удрала в Питер. Ждали ее там. Без особых знаний, без денег и связей. Итог известен. Устроилась прислугой.

«А у них коробка с кафелем пропала. На меня заявили. А зачем мне кафель? Я эту коробку и поднять-то не смогу. А они говорят, все вы дохлые, пока до навару не дошло. Ругаются», — Наталья снова тихонько заплакала.

Ольга покачала головой: — А мужик-то хозяйский к тебе клинья не бил?

— Точно, хозяин в тот день сильно подпитый приехал, все ко мне приставал. А как сказала, что пожалуюсь, еще пригрозил, мол, пожалею. —Вскинулась девчонка.

Ольга хмыкнула, удивляясь изгибам жизни: «Тут на шее «жмуров» за десяток висит. А у нее грошовый кафель? Чудны дела твои...»

— А тебя как звать? — успокоилась, наконец, девчонка. Она заинтересованно глянула на спасительницу.

— Ольгой меня зовут, — ответила та. И добавила: — Ладно, успеем, поговорим еще. Отдыхай. А я подумаю.

Однако не удалось. Ужин, суэта сокамерниц. Стук тарелок. Наконец, все уgomонились.

Свет в камере продолжал гореть, однако время уже близилось к полуночи. Ночная смена легла, и остальные прикорнули кто где.

Камера затихла. Ольга прислонилась к перекладине и задремала. Сон не сон — легкое видение. Она перебирает документы в офисе «Атолла». На глаза попалась неприметная папка с рядом цифр и фамилий, мимоходом просмотрела ее и сунула в карман сумки. Привычка разведчика. «Надо же, а ведь эти листки там и лежат, — сквозь сон удивилась она. — А вот где сумка? Стоп, а не вместе с «винчестером» я ее припрятала? Точно, сумка, скроенная на манер парашюта, в собранном состоянии занимала всего ничего, а если развернуть, танк можно спрятать».

Удивительно, на допрос Ольгу вызвали уже на другой день. Скорее, это был даже не допрос, а очная ставка. Хотя, как назвать встречу главы не последнего в мировом рейтинге холдинга с подследственной? Причем, в комнате допросов, кроме них, не было никого.

Ольга встречала этого холеного господина в бытность свою клерком компании. А вот он о ее существовании узнал совсем недавно.

Как она и боялась, служба безопасности, получив анонимный подарок в виде полного расклада хищений в сибирском филиале, не очень и обрадовалась.

— Кто это, осведомленный в нашей кухне, нам «добряк подогнал?» — образно выразился глава СБ.

Матерый в прошлом опер, он никак не мог избавиться от уголовного жаргона. Впрочем, работе это не мешало. Рыть начали в двух направлениях. В первую очередь, по сути компромата, и одновременно изо всех сил пытались разобраться в личности доброхота.

Профи справились быстро. Ирину вычислили не просто, а очень просто. Умелый спрос мигом развязал языки сибирякам. И те, опережая друг друга, поведали о шустрой москвичке, раскопавшей договора.

— Смотри, какие у нас клерки отчаянные. — удивились «Атолловские» опера.

Внимательно изучили ее личное дело. И вот тут им поплохело всерьез. Девочка оказалась с таким шлейфом загадок, что без бутылки не разобраться. Попала в страшную аварию, поправилась за неполных полгода. Отец, генерал ФСБ, пусть и в запасе. Да, только всем известно, что бывших чекистов не бывает. И вот он погибает, и жена тоже. Девочка, ставшая владельцем неслабого капитала, не успев затвердить права наследования, тоже гибнет.

— Это уже водевиль какой-то? — не выдержал шеф холдинга, когда ему доложили всю картинку. — Ага, сколько у девочки зарплата была? Да она за квартиру, поди, платила в два раза больше. Короче, в дерьме вы, господа, — отбросил он документы. — Сдается мне, и я вместе с вами. Вы что, не понимаете, это она... Она нас развела.

— «Крот» это был. Звягинский крот, понятно? И не думаю, что девчонка в особняке сгорела. Ведь от нее ничего не нашли. Ну, менты, понятно, им лишний глухарь не нужен. А вы-то куда

смотрели? Короче. Что делать будете, не знаю и знать не хочу. Платите, пытайте, но чтобы ее нашли. Понятно? Вперед и с песней.

Деньги ему, в принципе, было не жаль. Тем более, Звягин уже в прошлом, но, дело принципа: «Воровать, у меня, не позволено никому».

— Найти и, чтоб неповадно другим было, высечь, показательно, — распорядился магнат.

И вот она стоит перед ним.

Максимов всмотрелся: «Привлекательное личико. Миниатюрная фигурка. Словно и не из камеры привели... Вот только глаза не в масть. Не такие глаза у нее быть должны. А в этих спокойствие и уверенность. Словно и не ее ко мне на аркане приволокли, а она снизошла до общения... Странно», — насторожился олигарх.

— Допрыгалась, Ирина? — прервал он затянувшееся молчание. — Или как там тебя?

Ольга внимательно глянула в лицо воротилы: «Нормальный, с виду, мужик. Умный, сильный. Может, чуть испорченный деньгами и властью? Но, было бы странно, кабы падал от голода, что твой нарком продовольствия».

«Болею, что ли? — хмыкнула она про себя. — Или это общение с «толстовцем» сказывается? Сама-то лучше?» — так и не разобравшись в своих чувствах, продолжила изучать гостя.

— Ну, что, допрыгалась? — спросил, наконец, гость. Вопрос прозвучал риторически.

— Не бейте, дяденька, — сорвалась Оля в плач. — Я все скажу. Все-все. И где алмазы зарыты, и куда труп спрятали.

— Какой труп? — опешил Максимов. — Ты что, сдурела?

— А, так Вы не из-за старухи? Нет? — вмиг успокоилась шкодливая девчонка. — Тогда, я не знаю.

— А вообще... и впрямь, что тянуть? — она внезапно и неуловимо изменилась, и олигарх почувствовал себя дураком.

— Значит, так. Упростим задачу. Давайте от выяснений, кто прав, кто виноват, перейдем к делу, — оля закинула ногу на ногу и внимательно взглянула на олигарха. — За мое задержание ответите особо. Хотя, это, в принципе, семечки. А, касательно денег, которые я получила от главного инженера, так все вопросы к нему. Украл их он. Его и трясите. А мне спасибо сказать нужно. Но, думаю, на конструктивную беседу Вы пока не способны. Поэтому, я сейчас коротко изложу свои требования, — она протянула руку и вдруг коснулась его руки. — Да у вас пульс что-то частит. На сердце не жалуетесь? — провела по запястью прохладными пальцами, несильно нажала на мерно бьющуюся

жилку.

Собеседник с негодованием вырвал руку: — Нормально у меня с сердцем, а вот у тебя морда не треснет от требований? — совсем попросту выразил он свое мнение.

— Выслушайте, а потом будем выяснять, что и у кого треснет, простите за вульгаризм. Итак... Но прежде я, уж простите девичью болтливость, не с кем здесь особо поболтать, расскажу, как пройдет Ваш сегодняшний вечер. Рассказ будет недолгий, но содержательный, поэтому прошу не перебивать.

Заинтригованный олигарх решил: «Пусть поболтает девчонка, а я пока сделаю выводы и решу, что с ней делать».

— Вы, Андрей Григорьевич, от меня двинетесь к начальнику Вашей службы безопасности. Устроите разгон и потребуете, чтобы он к завтрашнему утру представил Вам... ну, это неинтересно. А после, немного успокоившись поедете Вы на свою дачу, она у Вас за фирмой числится, но Ваша. И вот, где-то часов в девять или, чтобы быть совсем точными, в девять ноль семь, сядете вы, скажем в кресло и потянетесь к пульта, посмотреть, что творится в мире. Тут Вас и прихватит. Оно. родимое. Никогда ведь не болело, а тут: ни вздохнуть, ни охнуть. За грудиной огонь, в легких вата, в голове туман, — голос ее странно замедлился, стал тягучим, он казалось проникал в самую душу слушателя.

— И поймете Вы, Андрей Григорьевич, что вот она. Стоит перед Вами та самая дама с косой, свидание с которой не назначают. И миллионы Ваши отойдут всем, кому ни попадя, а Вам достанется уютная могилка два на два с роскошным мраморным памятником. Так Вам станет тоскливо, что не передать. Дальше слушайте внимательно, — предост ерегающе подняла Ольга палец, увидев, что слушатель порывается вставить свое слово. — Повторять не буду, но от того, насколько правильно Вы все исполните, зависит Ваше благополучное избавление от, скажем так, неприятности.

— Так о чем это я? Ага. Первое, звонок вашему милицейскому приятелю с приказом немедленно освободить меня и моих спутников. С извинениями. Прикажете ему забыть наши имена. Навсегда. И еще..., скомандуйте-ка Вы еще, чтобы отпустили с нами одну девчонку. Она в моей камере сидит. Натальей зовут. За какой-то кафель ее закрыли. Деньги можете за этот кафель сами внести, или пусть Ваш «Мент» расплатится, мне без разницы. Вот, вроде, и все.

Видите как я здорово нагадала? — Продолжила бутафорить Оля, прикидывая в то же время, сработает-ли программа как нужно. И вот еще что Денег я с Вас не возьму. Что И последнее. Поверьте на слово. Опоздаете, уже не откачают. И все, «карачун

подкрался»... — это цитата, не обижайтесь. Это важно. Пройдет минута, другая и вам чуть-чуть полегчает.

— Вы естественно облегченно вздохнете и решите, что я Вас развела, озлобитесь и попытаетесь свое распоряжение отменить. Вот тут долбанет всерьез.

Очнетесь минут через пять. Ну, отдышаться Вам пару минут хватит. Дальше, приказ начальнику охраны:

— Теперь Вы. Только просьба, без мата, — закончила слегка издевательский монолог хулиганка.

Олигарх, онемевший от такой наглости, не нашел, что сказать. Наконец выдохнул: — Ты мне эти пятьсот «штук» на карачках принесешь, и ноги будешь лизать. Ясно? Да ты понимаешь, что за суммы в сто раз меньшие на куски людей режут?!

Чувствуя, еще немного, и он кинется на нее с кулаками, подпрыгнул со стула и дико заорал: — Охрана.

Дверь мгновенно распахнулась.

— Ну, погоди, тварь, — бросил уже на ходу, — завтра с тобой иначе поговорят. Ах ты, сучка, — он плюнул на пол и выскочил наружу.

— Встать, — рявкнул охранник. — Вперед. Руки за спину.

Остаток дня она провела спокойно. Выспалась, поболтала с Жанной. Ее положение в камере укрепилось настолько, что сокамерницы разве что не крестились на нее.

— Смотри, — пошутила рыжая, — они скоро кол осиновый с воли просить начнут.

Ольга усмехнулась: — Да я сегодня уже выхожу. Ошибка, говорят. Извините.

Жанна недоверчиво покачала головой: — Дай бог, только, чтобы ночью выпускали? Я сомневаюсь. У них график железный. А в ночь тут только охрана. Хотя, тебе видней, — не стала спорить опытная сиделица. — А вообще, я с тобой бы еще поболтала.

Ольга пожала плечами: — Ну, это не от меня зависит. Если есть какие вопросы, спроси. Может, отвечу.

Жанна задумалась: — Слушай, а ведь и страшно. Это как к гадалке. Только чувствую, ты в сто раз верней предскажешь. Ой, боюсь.

Ольга улыбнулась: — Не рви себя, а то совсем голову задурила себе, — Ольга уперлась ладонями в подбородок. — Ох, что-то я закрутилась сегодня. — Наташа, — обратилась она к девчонке, сидящей поодаль. — Хочу предложить тебе со мной в море пойти. В круиз, не шуточный, идти далеко. Но если дойдем, и денег заработаешь, и жениха встретишь. Уж поверь мне, все у

тебя будет.

Девчонка испуганно заморгала: — Я же под следствием? Мне тюрьма светит.

Ольга отмахнулась: — Не бери в голову. Это как раз самое маленькое препятствие. В общем, думай, только сегодня. И не бойся, в обиду тебя не дам.

Наталя осталась сидеть с открытым ртом, а Ольга отошла на свое место.

Взбешенный олигарх выскочил из ворот изолятора и грохнул дверцей Мерседеса так, что водитель подпрыгнул от неожиданности, а охранник рванулся за табельным оружием.

— Поехали. Что заснул. Твою мать, — сорвал зло на невинном водиле олигарх. Трехтонная машина взвизгнула резиной и снялась, как гоночный болид. Ошалевший от такого невиданного поведения обычно чрезвычайно сдержанного хозяина, водитель втопил педаль до пола.

Едва войдя в офис, Максимов распорядился: — Начальника охраны ко мне, живо, — референт вздрогнул и рванул выполнять: «Даже когда шефу сообщили о потере Нижнеудинского комбината, стоимостью в полтора миллиарда, тот так не рычал». «Что бы это могло быть?» — терялся в догадках секретарь, вызывая безопасника.

Оповещенный о настроении патрона тот влетел, даже не нацепив галстук.

— Звали, Андрей Григорьевич? — поинтересовался он, просовывая голову в приоткрытую дверь сановного кабинета.

— Давай, шляется он, — пробурчал слегка отошедший глава холдинга. — Записывай. Все на эту тварь. Все отдать ментам.

— «Зарядить» столько, чтобы ее на параше сгноили, — проявил недюжинное знание уголовных реалий бизнесмен. — А сами трясите всех, кто с ней связан. Яхту в арест, деньги, что за ней, тоже. Я ее, блин, в Африку без штанов... Все, свободен, выполнять немедленно, к утру доложить.

Отпустив главного охранителя и чистодела, он расслабил галстук и автоматически потянулся к бару. Рука ткнулась в пузатую бутылку. Не глядя, плеснул в бокал и залпом махнул обжигающий напиток. Коньяк растекся по жилам, даря благодатное расслабление.

Но тут сердце кольнуло нехорошее предчувствие.

«Хватит на сегодня, домой пора», — решил он, подхватил с кресла скинутый в горячке пиджак и скомандовал референту: — Я отдыхать. Если что, звони на дачу.

Устроившись в салоне бронированного лимузина, пультом дистанционки выбрал музыку любимого Морриконе и откинулся

на мягкие подушки. Машина стремительно неслась по пустой трассе, удаляясь от мегаполиса.

Удар, визг тормозов, и сила инерции кинула его на перегородку, отделяющую салон от водительского сиденья. Машина, пролетев еще с полсотни метров, замерла.

В интеркоме прозвучал голос телохранителя: «Все в порядке, Андрей Григорьевич. Ворону «лобовым» поймали. Главное, сволочь, будто специально ждала, — возбужденно закончил охранник. — Но стекло уцелело, трещины только. Сейчас Володя протрет и едем».

Озабоченный молчанием шефа охранник повторил: «Как слышите, прием». Однако Максимов по-детски шмыгал носом и молчал. Страх, возникший внизу живота, поднялся в желудок и сдавил его диким приступом изжоги. Ох, как давно он так не боялся. С тех самых пор, как ему, тогда еще мелкому торговцу компьютерным вторсырьем, прислали в конверте патрон от «Макарова». Однако те времена благополучно миновали, и он уже напрочь позабыл это паскудное чувство.

Кое-как продышавшись, олигарх скрипучим от злости голосом разрешил продолжить движение.

Остаток пути он сидел в тяжелом раздумье, не вспоминая уже про музыку.

Вид привычного интерьера слегка успокоил. Он прошелся по комнатам, зачем-то проверил окна. Включил свет и потянулся к пульта. «Что там, в мире, творится?» — мелькнула ленивая мысль. Его обожгло воспоминание. Он кинул взгляд на часы. Огромные стрелки фирменных часов, висящих в проеме, показывали ровно девять ноль семь.

Боль вспыхнула в груди. Заполнила тело и плотным комком сошлась под грудиной. Губы старались поймать хоть глоток воздуха, но онемевшие легкие не смогли втянуть ни капли. Он захрипел, обмирая от сознания, что это конец. Еще чуть-чуть, и ничего уже не станет.

«И для чего тогда вся эта суета? А она ведь знала! Ведьма!» — ему вдруг почудилось, что в полумраке, хотя горели все лампы, перед ним возникло светлое пятно. Оно уплотнилось, и вот уже видны стали пустые глазницы и надвинутый на лицо темный куколь капюшона.

«Что, что?!» — из последних сил он пытался вспомнить, что сказала ему та девчонка. Скрюченными пальцами выцарапал трубку и нажал кнопку.

Абонент отозвался сразу. Превозмогая мучительную боль, и судорожно перхая, Максимов хрипло прорычал: — Девчонку и тех, что с ней были, отпустить немедленно. Сейчас же, — вдруг

понял, что может втянуть глоток воздуха. — Отвезти на яхту, извиниться. Дашь ментам, сколько скажут, но чтобы выпустили, немедленно.

— Дело жизни и смерти. Не выполнишь, пожалеешь люто, — сумел он выговорить почти связно. Привыкший ничему не удивляться начальник охраны подтвердил распоряжение. Максимов заметил, что неясная фигура начала растворяться и таять. Боль еще стояла в груди, но уже не так бесповоротно.

Добавил, припоминая: — С ней еще девчонка будет, звать Натальей. За кафель сидит. Заплати эти копейки, и пусть с ними отпустят. Да, извиниться нужно, — он, наконец, смог вдохнуть полной грудью. В трубке запиликали сигналы отбоя. И тут Максимов обнаружил, что сидит возле кресла и тупо смотрит на растекающееся по ковру сырое пятно. Он продышался, стянул мокрые брюки, шатаясь, двинулся в ванную комнату. Боль практически исчезла. Только холодный пот и сырое белье напоминали о приступе.

«Ах ты, паскуда», — вновь поднялась волна ненависти. Так меня запугала, что сам себе внушил. Разбрызгивая воду, выскочил из душевой кабины и ринулся к телефону. Боль вломила без предупреждения. Совсем не так плавно, как в прошлый раз. Мешком рухнул на пол, теряя сознание от нового, еще более сильного приступа. Очнулся вдруг. Перед глазами расплывается узор дорогого ковра. Обессилено потянул к груди непослушные ноги. «Уже высох», — безразлично отметил он невесомость своего тела.

Приподнял голову и обмер, увидев свое лицо в зеркальной поверхности шкафа-купе. Однако не обвисшие вдруг щеки и огромные мешки под глазами напугали его. Поразил короткий, ухоженный ежик. Еще утром внимательно осмотренные на предмет седины волосы сейчас стали совершенно белыми.

Дрожащей рукой олигарх перекрестил зеркало, зашевелил губами, припоминая молитву. И тут, словно дрогнуло что-то в его душе. Он лежал на полу, и чувство громадного облегчения и неземной радости наполняло его.

Максимов отчетливо понял, опоздай его собеседник ответить на звонок, лежать ему сейчас бездыханным посреди этой огромной комнаты.

«Да что может быть важнее этого счастья, просто жить? — с умилением осознал он. — И она показала мне, как мимолетно все, как мелко. Суетимся, рвем жилы. А вот придет эта... — Максимов содрогнулся и вновь обмахнул себя неумелым крестом, — и все. И ничего. Ничего совсем. Пустота».

Он задремал, сознание затихало. Однако оставалась

уверенность в том, что сон этот будет спокойным и добрым. — А девчонка все-таки ведьма», — мелькнула краем вялая мысль. Однако не вызвала ни злости, ни раздражения. Наоборот. Чувство непонятной благодарности, за урок, который ему дала маленькая... Он спал.

— Вот и все. Пора на выход, — пробормотала Ольга, увидев, что крашенная суровой шаровой краской дверь распахнулась, и в камере мгновенно стало тесно от обилия разномастных служивых чинов, блеск шитья погон и шевронов вызвал у задремавших обитателей дружное оживление.

Ольга, кивнула Жанне и жестом подозвала Наташу: — Вещи собери, а если ничего ценного нет, то и ладно. Пусть здесь остаются. Не дело, в новую жизнь старые воспоминания тащить.

Их вывели из камеры и провели в ту же комнату, где принимали. Вещи выдали под роспись, все это с каким-то настороженным удивлением и даже с опаской. Обращались с ними, как с переодетыми принцессами крови, на «Вы» и разве что не кланяясь. Наталья, не веря в то, что их сейчас выпустят, жалась к Ольгиному плечу и вздрагивала. Наконец, вручили документы.

Вперед вышел представительный человек в штатском: — Андрей Григорьевич Максимов приносит Вам свои искренние извинения. И еще, он просил поблагодарить Вас. Так и сказал: Вы поймете за что, — слегка вымученно произнес он.

Ольга глянула на посла доброй воли: — Принято. Я рада, что Максимов — умный человек. А главное — умеет делать выводы. Передайте ему, у меня претензий нет.

Начальник СБ, а это был он, круглыми глазами смотрел на странную девчонку, которая, образно говоря, поимела его шефа в извращенной форме, и она же еще не обижается?..

«Все смешалось в доме Максимовом», — пробормотал бывший опер. Однако от других комментариев благоразумно воздержался.

Во дворе их ждал блестящий черный лимузин. Из приоткрытой двери машины видны были фигуры Ольгиных компаньонов. Она глянула в салон. — Ну, как вы? — оглядела она их лица. Глеб подмигнул, обозначив полное приятие ситуации. Он явно наслаждался развитием событий. Иван Максимович вежливо кивнул девчонке и поздоровался с хозяйкой: — Все нормально, — отрапортовал он, — даже извинились.

Ольга подвинула вперед спутницу: — Знакомьтесь. Это Наташа, а это мои товарищи и друзья. Капитан — зовут его Иван Максимович. Глеб — мой охранитель и помощник. Ты с ним поосторожнее, — шутливо подмигнула Ольга. — Садись, и ехать нужно. Чего нам тут выстаивать?

Вертухай махнул рукой. Ворота неторопливо распахнулись, выпуская «Мерседес». Такого освобождения тюрьма за всю свою многовековую историю еще не видела. В машине Ольга задала девчонке назревший вопрос: — Подумала над моим предложением? Или высадить?

Наташка, которой явно было не по себе, замерла на краешке роскошного сиденья и нерешительно произнесла: — Так я ведь ничего не умею. Какая от меня польза?

Капитан недоуменно поднял бровь. Надеясь, что судовая роль уже оформлена и согласованна. «И вообще, женщина на корабле — непорядок».

— И, кроме того... — Ольга скроила ему укоризненную гримасу глаза и повернулась к девчонке: — Не об этом ведь речь, — мягко оборвала ее бормотание. — Идешь с нами или нет?

— Да! — отчаянно закивала Наташа. — Я с вами. Я домой не хочу, и никуда не хочу. Возьмите меня! — она облегченно расплакалась и ткнулась носом в кожаную обшивку дверей, пряча слезы.

Занятые разговорами они и не заметили, как машина плавно остановилась у пирса, возле которого одиноко покачивалась их яхта. В ночном воздухе слышны были крики чаек. Свежий ветерок тянул с Невы прохладу. Они выбрались из салона и остановились перед своим новым домом.

— Вот, это и есть наша... Кстати, — Ольга повернулась к капитану: — Иван Максимович, а что же мы имя кораблю так и не дали? Непорядок. Какие будут предложения?

Повисла долгая пауза.

— Так мы всю ночь на пирсе проторчим. Ну, раз никто ничего не придумал, то предлагаю назвать — «Амазонка», — подвела итог Ольга.

Приняли единогласно.

Приняв душ и наскоро перекусив, отправились спать. Места хватило всем. Ольга с Наташей заняли по отдельной каюте, а капитан с Глебом разместились в двухместной, на корме.

Шел третий час ночи, а Ольге все не спалось. Устав вертеться на роскошной кровати, оделась и поднялась на палубу. Остановилась возле перил, замерла, думая о прошедшем дне: Сколько всего... Вспышка ослепила. Взрывная волна подбросила ее высоко в воздух. Вонзились в тело тысяча игл. В глазах потемнело, навалилась бесконечная темнота. Удар о воду уже не почувствовала.

Часть вторая

Снежная королева

Глава 1

Очнулась внезапно, как от толчка. Открыла глаза, и различила мерно двигающийся силуэт женщины в белом халате.

— Где я? — мой голос прозвучал еле слышно.

— Не спится? — Уборщица с готовностью прекратила шаркать своим орудием, оперлась о длинную ручку. — В больнице, где же ещё. В хирургии. — Она всмотрелась. — А... так ты новенькая? Понятно. — Женщина потянула носом. — Постель поменять попроси. От них и не дождешься...

— Что со мной? — Я приподняла голову, глянула на себя. Вся верхняя половина тела оказалась плотно замотана бинтами.

— Так это... Тебя вчера из реанимации перевели. — Словоохотливо отозвалась женщина, наморщила лоб. — Множественные порезы мягких тканей лица и тела, а еще аминее... — Рассказчица сбилась, махнула рукой. — С головой еще чего-то. Женщина подумала, и повернулась к двери. — Сейчас, сестру позову.

— Она просила ей сказать, если очнешься. — Уже на ходу пояснила уборщица.

Она вышла, оставив швабру возле моей кровати, а я осторожно повернула голову осматриваясь.

«Чистенько... две соседние кровати бугрятся спящими пациентками. Еще одна, чуть левее и вовсе пустая. Пластиковое окно, за которым качается на ветру огненно красная ветка клена...

Простучали торопливые шаги. В палату вошла медсестра, склонилась надо мной, приложив холодную ладонь к кусочку не прикрытого бинтами лба. Донесся слабый запах цветочных духов.

— Как же их называют? Клеман? Кажется да...

— Не двигайтесь. Вам нельзя. — В голосе медички прозвучала профессиональная строгость. — Швы еще не зажили, могут начать кровить.

— Хорошо не буду. Скажите, что со мной случилось. — Вновь задала я вопрос.

После завтрака будет обход, доктор вам все расскажет. — Разговорчивостью сестра, в отличие от полойки, явно не страдала. Она поправила одеяло и вышла.

У Машки мужик загулял. — Бросив осторожный взгляд на прикрытую дверь, сказала уборщица. Вот и злитесь. Ну да ты не торопись. Врач у тебя хороший. Внимательный. Валерий Михайлович. — Скартавила рассказчица. — Мы его так между собой зовем. Он р не выговаривает. А так-то он мужик

нормальный. Ну выпивает иногда, на дежурстве, но в меру. И ничего такого ни с сестрами, ни с кем, себе не позволяет. — Показалось, или в голосе болтушки и прозвучало еле скрытое осуждение.

Я улыбнулась, почувствовав, как тут-же стянуло губы.

— Ладно, заболталась я с тобой. А мне еще в процедурной домыть надо. — Вспомнив про обязанности, женщина вытянула застрявшую в ведре швабру и принялась ожесточенно возить ею по линолеуму.

Так ничего и не вспомнив, придремала. Разбудил строгий, немного картавящий голос. — Пгосыпайтесь, голубушка, пога уже...

Высокий, с курчавой шапкой волос, скрыть которую не мог даже белоснежный колпак, доктор заставил открыть рот, заглянул в глаза, аккуратно пробежался пальцами по груди, бокам. Коснулся щеки, носа.

— Ну что... замечательно, процесс реабилитации идет успешно. Все что нужно мы сделали, теперь дело за вашим организмом. Восстанавливайтесь, набирайтесь сил. Думаю, что прогноз на полное излечение у вас куда как положительный.

— Доктор... у меня ничего не болит. Но я ничего не помню... Ни имени, ни фамилии. Вообще ничего. Может быть, вы мне поможете? Как я здесь оказалась, откуда, что случилось.

— Даже не знаю, что вам сказать. Доставили вас с территории яхт клуба. Без сознания. На одной из яхт произошел взрыв. Вас ранило осколками обшивки, стекла. Плюс удар. Документов при вас не было, но... скорее всего на борту вы находиться не могли. Взрыв был такой, что ее разнесло на кусочки. Врач стянул с носа очки в тонкой позолоченной оправе, став сразу на десяток лет моложе. — Память к вам, скорее всего, вернется. Вопрос нескольких дней. Сейчас вас отправят на перевязку, потом процедуры, а после обеда должен прийти сотрудник внутренних органов. Положено снять у вас показания. Попробуйте спросить у него.

— Да, кстати, — Врач осторожно сжал мое запястье, прислушался к ударам пульса. — Должен вас огорчить. Раны на теле хотя и множественные, но не слишком глубокие, и заживут быстро. А вот лицо... — Доктор чуть помялся. — Мы ведь не боги. Сделали все что смогли, но шрамы, увы, останутся. Насколько существенные, сказать не могу, но обязан предупредить. Постарайтесь подготовиться.

Я шевельнула губами, вновь почувствовав, как натянулась кожа. Под повязкой проснулась, и побежала от висков к носу тысяча муравьев.

— Щекотно. — Только и смогла произнести я, борясь с мучительным желанием поскрести по лицу ногтями.

— Терпите, терпите, голубушка. — Построжел врач. — Чесать нельзя, да и бесполезно. Сделаете лишь хуже. Я сделаю отметку — вам дадут антигистамины.

Он развернулся к соседней кровати, принял у стоящей за спиной сестры температурную карту следующей пациентки.

— Яхта... взрыв... — Мне вдруг показалось, что при упоминании о яхте в мозгу возникло нечто похожее на легкий зуд, совсем как только что, на лице. Однако попытка вспомнить хоть что-то успехов не принесла. Ну и ладно. — Легкомысленно отмахнулась я. — Жива, и ладно. Остальное наладится.

— Первая половина дня прошла в переездах на вихляющей и норовистой каталке. — Санитарка, которая заступила на дежурство вместо Марии, тихонько материлась, стараясь затолкать неповоротливую конструкцию в узкие двери лифта, однако на мое предложение позволить встать и дойти к кабинету самой только замотала руками. — Что ты, что ты. А ну как свалишься. Меня потом старшая со света сживет. Лежи уж.

Милиционер пришел ближе к вечеру. В палате было тихо. Соседка справа, пользуясь отсутствием врачей, тихонько выбралась из палаты и убежала на улицу, вторая, к которой пришел кто-то из родных, сидела в холле, болтая о бытовых мелочах.

Вошедший поправил небрежно накинутый на форму халат, стянул с коротко стриженной головы фуражку, и опустился на стул.

После короткого знакомства, старший лейтенант, назвавшийся Василием, вынул бланк, и перешел к делу. Опрос много времени не занял. Почти ни на один вопрос ответить я не смогла. Задуматься заставил только вынутый из кожаной папки телефон. — Это ваш? — поинтересовался следователь, протягивая мне игрушку.

— Не пом... — Привычно начала я, но вдруг замерла. Покрутила в пальцах трубку, нажала на кнопку.

Не работает. — Со вздохом сообщил Василий. — Мы уже пробовали его оживить. Бесполезно. Окажись он рабочим, возможно, все было бы куда проще.

— Дело в том, — продолжил он, незаметно глянув на часы, — что никаких сообщений о пропаже в вашем районе не поступало.

А может быть я с той самой яхты?

— Мы проверяли. По данным экспертизы все трое членов экипажа, находились в момент взрыва на борту. К сожалению все они получили очень сильные ожоги, практически сгорели. Но мы

смогли выяснить, что тела принадлежат двум мужчинам, и молодой женщине. Хозяйке яхты. Некая... — Тут старший лейтенант заглянул в блокнот. — Шилова Ольга Александровна. Вам эта фамилия ничего не говорит?

Я медленно поднесла руку к лицу, однако вовремя спохватилась, и лишь сымитировала скребущее движение. — Знаете, что-то такое вертится... Но не могу сказать точно. Вроде слышала...

— Да я понимаю, фамилия распространенная, тем более, что сейчас много говорят и пишут о сочинительнице детективных романов. Тоже Шилова. Понимаю...

— Ну неужели никак нельзя выяснить? — Мне стало грустно. — Я ведь где-то жила, работала, училась?

— Город громадный, тем более, что сейчас столько приезжих. — Василий поднял трубку со столика, собираясь уложить ее обратно в портфель. — Попробуйте все таки вспомнить. Врач говорит, что в вашем случае потеря памяти вызвана шоком, и должна скоро пройти.

— А если меня ищут? Беспокоятся.

— Как только к нам поступит заявление о пропаже кого-то схожего с вашими приметам, мы немедленно сообщим. — Старший лейтенант поднялся со стула. — Ну, желаю скорейшего выздоровления...

— Одну минуту. — Я всмотрелась в телефон. — Можно я еще раз гляну.

— Мы уже проверяли. — С досадой отозвался следователь, подавая мне трубку. — И номер и батарею. Увы, обычная серая сборка, по ПИНам не отслеживается.

Не слушая его бормотание я отложила телефончик и вывернула наизнанку узенький футляр. Всмотрелась, пытаюсь прочитать написанное на обратной стороне... Точно. Ав.. Авдеева, Ирина. Номер 8..... —

Торжествующе глянула на озадаченного следователя. — Я вспомнила, вспомнила! Сдавала в ремонт... и вот. Мастер написал, чтобы проверить. Я еще подумала, не удобно...

Где сдавали, когда. Как это происходило. Можете вспомнить ваш адрес. — Мент оживился. Потянул наружу блокнот и ручку.

— Ой... только мне почему-то кажется, что это было в Москве. Точно... а вот что-как, убейте, не помню. — Я плюнула на осторожность и почесала зудящийся нос. — А разве этого мало?

— Да, да конечно. Но с другой стороны, вы знаете, сколько в стране Авдеевых. А вдруг вы не местная, хотелось бы побольше э... привязок.

Однако память, сжалившаяся надо мной раз, больше ничего подсказывать не хотела.

— Ира? Ирина? Ирина Авдеева. — Внутреннего отторжения это сочетание не вызвало, более того появилось чувство, что фамилия мне знакома. Взглянула на терпеливо ожидающего результатов следователя: — Это, кажется, мое имя. И фамилия тоже моя. И почему-то сейчас вертится в голове старая песенка про Комарово. Может быть я жила там?

— Хорошо, мы обязательно все проверим. — Старший лейтенант занес исправления в бланк, заставил меня расписаться и ушел.

Следующий день новых известий не принес. Я терпеливо вынесла довольно болезненные процедуры, с удовольствием съела обед, и ужин.

А вот вечером, когда уже совсем стемнело, и мои соседки уgomонились, пришла непонятная тоска. Странно, отчего-то она была связана с короткой обмолвкой милиционера о погибших на яхте людях. Кто они были, почему судьба оказалась к ним столь жестока? И отчего их смерть вызвала во мне столько печали?

Так и заснула, с неясной, но колющей душу грустью.

Зато утро принесло кучу новостей. Не все из них оказались хорошими, однако были и добрые вести. Во-первых: подтвердилось мое имя и фамилия.

Старший лейтенант сегодня был на удивление вежлив и даже предупредителен. Однако вслед за хорошими известиями пришла очередь и печальных. Оказывается, мой дом сгорел. А родители погибли. Были застрелены в своей машине за несколько дней до пожара.

Странно, новость эта не стала для меня ударом. Может быть, все уже отболело. Или виновата была потеря памяти, но я так и не смогла вспомнить ни отца ни маму. Лишь два невысоких холмика и пара струганных крестов под высоким, похожем на свечу, тополем.

Но самое невероятное старший лейтенант сообщил под конец разговора. Он как-то смутился, и сбивчиво произнес, на мой взгляд, дикую фразу: — А вы знаете, что являетесь наследницей ваших родителей?

Как будто это не было само собой разумеющимся?

Решив дать милиционеру высказаться, я только кивнула. И тут он меня оgoroшил. По его словам наследство состояло не только из участка земли в Комарово и квартиры в Питере, но и акциями в крупной торгово-промышленной фирме, стоимостью чуть менее пятисот миллионов долларов, которой владел мой отец. Причем наследницей практически единоличной.

Осознать величину суммы сразу я не сумела, поэтому едва старший лейтенант покинул палату, произнесла вслух. — \$1Пятьсот миллионов? Обалдеть!

И только позднее, когда схлынуло удивление, я вспомнила фразу, оброненную моим гостем перед самым уходом.

Оказывается, следствие по делу о взрыве особняка объявило меня погибшей.

— Думаю, что теперь они еще свяжутся с вами. — Невнятно предположил старший лейтенант.

Новые гости появились вскоре после обеда. Я только собралась немного поспать, как дверь в палату распахнулась и на пороге возникла парочка наряженных в черные костюмы мордovorотов. Стриженные, с одинаковыми настороженно—непроницаемыми физиономиями, амбалы бесцеремонно осмотрели палату, и пропустили вперед невысокого мужчину, в сером, слегка измятом, но явно не дешевом, костюме.

Господинчик вальяжно кивнул охранникам, непринужденно проследовал к моей кровати и опустился на стул.

— Вы Ирина? — Не утруждая себя приветствием, поинтересовался он.

— Ну да. — Только и смогла произнести я, озадаченная столь резвым началом. —А вы кто?

Гость не ответил. Вместо этого он обернулся к одному из охранников и не приметно кивнул.

Выпроводить моих соседок неразговорчивый великан сумел всего за пару минут. Женщины торопливо вышли в коридор, а громила в черном вновь замер возле двери.

— Моя фамилия Свирский. Степан Сергеевич. Я представитель фирмы РосКомодитиСервис. — Чеканя слова произнес седоволосый коротышка. — Нам стало известно, что вы сообщили сотруднику милиции о своем родстве с бывшим владельцем предприятия, Авдеевым Иваном Андреевичем. Это так?

— Если честно, у меня после травмы с памятью не слишком хорошо. — Смутилась я, — но вот телефон, и вообще...

— Значит, не помните. — Оборвал мой лепет гость. — Ваше утверждение, таким образом, не подкрепляется документально, а основывается лишь на... предположениях. Я правильно понимаю.

— Э... — Мне стало еще неуютнее. — Да как вам сказать, я вроде что-то такое припоминаю...

Свирский вытянул из кармана громадный, со множеством каких-то вензелей и накладок, серебряный портсигар, и достал из него сигарету.

— Простите, но здесь не курят. — Произнесла я, чувствуя, как

из глубины души поднимается волна неприязни. — Это больница, а не...

— Хм... Я заметил. — Он аккуратно вернул сигарету в коробку. — А чем еще вы можете доказать свое родство с Авдеевым?

— Да ничего я не собираюсь доказывать. Меня спросили, ответила. А они уж пусть сами разбираются.

— \$1Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». — Произнес эту пошловатую сентенцию господин в сером так, словно изрек некую вселенскую тайну.

— Мне все понятно. — Он поднялся, спрятал портсигар в карман, и закончил с металлом в голосе. — Поскольку юридических оснований для подобных утверждений вы не имеете, следовательно, претендовать на наследство тоже. И мой вам совет, будьте впредь осторожнее с высказываниями. Болтливый язык иногда может крепко повредить своему хозяину.

— Послушайте, господин, как вас там, Свирский, а вам не кажется, что вы хам? — Я уже завелась, и более всего жалела, что не могу подняться с кровати.

— Как говорить — «по-Сеньке и шапка». — Отрезал любитель афоризмов. — С какой стати я должен миндальничать с никому неизвестной самозванкой, претендующей на... — Он осекся, и оборвал себя.

— А если нет? Если я и вправду Ирина Авдеева, что тогда. Вам, господин хороший не приходило в голову, что...

— Ирина Авдеева мертва. Уже пять месяцев. Это подтверждено. И вообще, случись вся эта история на месяц позже, я бы даже не стал тратить время, общаясь с вами. — Свирский повернулся, собираясь выйти из палаты.

— Вы хотите сказать, что тогда я пропустила бы сроки вступления в наследство? — Вырвалось у меня, — спасибо за подсказку. Совсем упустила из виду этот факт. Постараюсь успеть. — Злость на хамоватого буржуйчика добавила сил. — Но имейте в виду, когда я в него вступлю. Первое что сделаю, выставлю вас за ворота. Без вариантов. Так что можете подыскивать новую работу уже сейчас.

— Да ты не только дура. — В голосе гостя прозвучало неприкрытое презрение. — Ты наглая дура. Молись, что бы за тобой не обнаружилось никаких иных грехов, кроме присвоения чужого имени. Тебя ведь возле сгоревшей яхты нашли? Может ты ее и подожгла? А что...надо подкинуть эту идейку кому следует.

— Слушайте, ну отчего вы так твердо уверены, что я не Ирина? — Попыталась я успокоиться, и разобраться.

— Да потому. Не бывает чудес. Не бывает. Я видел, что

осталось от дома господина Авдеева. А она была внутри. Свидетели видели, как она туда приехала.

— И тело видели? — Запальчиво выкрикнула я, и останки на экспертизу возили?

— Какая экспертиза? — Там все до пепла сгорело. А потом еще пожарники, все переворостили, пеной заливали. — Отозвался Свирский. Он отчего-то перестал спешить, и даже сделал пару шагов обратно.

— Так давайте дождемся, когда с меня бинты снимут, Есть ведь у вас на фирме те, кто меня, в смысле, Ирину, видел. Пусть подтвердят.

— Да тебя после операций родная мать не признает. Врач сказал, что так испахало, Квазимодо отдыхает.

— Что? — Вся эта ерунда с наследством вылетела у меня из головы. Какой Квазимодо... он ведь сказал: — немного поцарапало? — На глаза навернулись слезы.

Поняв, что в горячке сболтнул лишнего, Свирский смутился, но быстро оправился. — Извини, я не знал. — Только и буркнул он.

— Я с трудом дотянулась до столика, вытерла слезы полотенцем. Отчего-то мне сейчас стало чрезвычайно важно сохранить пусть что-то. Если не лицо, то хотя бы имя. — А почему бы тогда экспертизу не сделать. Я слышала, используется, для определения отцовства. Генетическая. Все вопросы отпадут сразу.

— Логично. — Ответил Свирский почти нормальным тоном. — Одна загвоздка — Ивана Андреевича и его жену кремировали. Дом сгорел. Нет ни одного образца...

— Что, неужели ни одного? — Я лихорадочно перебирала возможные варианты. — А чем Ирина занималась до своей ги..., до своего исчезновения? Где жила, работала.

— Жила она в Москве, там и работала. Вернулась в Питер уже после смерти родителей. — Нехотя сообщил Свирский. — Стоит, конечно, попробовать связаться с Максимовым, может быть что-то и... С кем? — Переспросила я, стараясь сообразить, отчего мне знакома эта фамилия.

— Господин Максимов—это хозяин и руководитель фирмы, в которой работала Ирина. — Пояснил гость. — Хотя... столько времени прошло. Верное дело никаких личных вещей ее уже не осталось. Да и на съемной квартире давно живут другие люди.

— Максимов, Максимов... — Повторила я. Голова противно заныла, но ответа так и не отыскалось. — Что же это за такое. Ничего не помню.

— То-то и оно. — Потеряв интерес к беседе Свирский вновь

собрался уходить.

— Да погодите вы. — В отчаянии произнесла я, понимая, что теряю последнюю возможность исправить ситуацию. — Скажите, а почему вы ходите с этими, с охранниками? — Вопрос сорвался с языка словно сам по себе, без участия воли.

— Как? — Удивился гость, и чуть смутился. — Ну... так положено.

— Статус, или необходимость? — не сдавалась я. — Вы, простите, в какой должности на фирме работаете.

— Заместитель начальника отдела по связям с общественностью и... — Свирский скомкал окончание. — А какое это имеет значение?

Можете не отвечать, но выслушайте, что я думаю. — Меня, похоже просто несло. — Должность у вас, уж не взыщите, для такого эскорта, мелковата. Следовательно, понты тут не причем. Могу предположить, что случилось не так давно что-то на фирме. Покушение? Так?

Свирский закашлялся, покраснел, но промолчал.

— Думаю, что так. Но про это после. — Продолжила я, когда слушатель пришел в себя. — Но здесь то вам ничего не грозит. Может, попросите их в коридоре постоять?

— Это еще зачем? — Искренне удивился клерк, но обернулся и сделал жест ладонью, словно отогнал комара.

— И что? — Спросил он, когда мы остались одни.

— Давайте представим на миг, что случилось чудо и я сумела доказать право называться Ириной Авдее вой. На секунду. — Я осторожно пошевелилась, устраиваясь удобнее. — Что будет с вами тогда, вы уже знаете. А вот если вы мне поможете, то...

Должность директора по какими там проблемами вас устроит. Это ведь совсем другие возможности и другие деньги. Не так-ли?

— Ерунда это все. — Свирский поежился, словно ему стало очень неудобно. — Как вы себе это представляете?

— Поехать в Москву, скажем в ближайшие выходные, и попытаться найти образец ДНК Ирины. — Выдохнула я.

— Да ты с ума сошла! — Похоже, что эта идея не показалась моему собеседнику конструктивной. — Представляешь, я приду в Атолл, и попрошу отыскать то — не знаю что. Да меня там сразу пошлют.

— Могут. — Спокойно отозвалась я, чувствую непонятную уверенность. — А если я Максимов позвоню? И он даст указание вам помочь?

— Да откуда ты можешь его знать? Ты же не помнишь ничего.

— Не помню, но рассуждаю логически. Если я Ирина, то

могла с ним пересекаться по работе. Возможно, он и откажет, а может и нет. И вот такое у меня чувство, что не откажет. Почему — не знаю, но вот кажется и все. Чем вы, в конце концов, рискуете? Все, что я от вас прошу, по крайней мере, пока — отыскать номер его телефона и дать мне поговорить с ним. Это так сложно?

— Нет, ну в принципе... — Свирский, все еще терзаемый сомнениями, потянул из кармана сотовый телефон. Порылся в памяти, и набрал номер.

— Держи. — Это его секретарь. Но если что, я тебе ничего не давал.

— Нормально все будет. — Я ухватила гладкий пластик трубки, и на мгновение задумалась, слушая мелодичный проигрыш.

— Компания Атолл. — Отозвался приятный женский голос.

— Здравствуйте. Передайте, пожалуйста, господину Максимов, что ему звонит Ирина Авдеевна.

— Девушка, Андрей Григорьевич занят. Если вы его знакомая, то звоните на его личный номер.

— Одну минуту... — Быстро, что бы не дать собеседнице оборвать разговор, сказала я, — вы доложите, а он уж сам решит. Мне он срочно нужен. Действительно срочно, а номер его искать нет времени.

— Секретарша помялась: Но он действительно занят...

— Да вы только скажите. Если не захочет, так и не захочет.

— Одну минуту. — В трубке затихло.

— Слушаю вас. — Произнес через несколько секунд осторожный мужской голос. Абонент словно бы опасался услышать нечто малоприятное.

— Андрей Григорьевич, здравствуйте! Ирина Авдеевна беспокоит, узнали?

— Здравствуйте Ирина, — все так же настороженно произнес Максимов, — чем обязан?

— Проблема у меня. — Начала я импровизацию. — Только — только после смерти родителей в себя пришла, и тут вот такая неприятность. Вспомнила, что оставила в столе, на работе несколько безделушек. Мне ведь срочно уехать пришлось. А вещицы мне как память о родителях дороги. Понимаете?

— Примите мои соболезнования. — Чуть оттаял голос. — Но чем же я вам могу помочь? Вы в Москве?

— Нет я в Питере. А просьба у меня несложная. Я человека к вам пришлю, он в моем бывшем кабинете, в столе, поищет. Не подумайте, никаких тайн он у вас выведывать не станет. Понимаю — маловероятно, что сохранилось, но как знать, вдруг осталось

что? Вы уж не откажите в мелочи, распорядитесь.

Мы ведь с вами по-доброму расстались. Я никого не подвела, ничем вас не обидела. Помогите.

От той наглости, с которой прозвучала последняя фраза стало не по себе и самой. Тогда как мой помощник сидел с побелевшим от ужаса лицом. Говорить подобным тоном с всесильным олигархом могла только сумасшедшая.

— Да, да, конечно. — Максимов, вопреки опасениям был сама вежливость. — Пусть приезжает. Я прикажу оказать всемерную помощь. Лично. Не сомневайтесь.

— Ну вот, а вы говорите –самодур. Как ни в чем ни бывало произнесла я. — Вам остается только собрать все, что осталось после меня в столе или в шкафу, и привезти сюда. — А уж отыщется что, или нет, это как повезет.

— Слушай, а может и правда... — Похоже мой, исполненный на чистой интуиции разговор с олигархом оказал на клерка сильное впечатление. —Но если вы настоящая Ирина, я ведь доложить обязан. Это ведь дело серьезное.

— А ну как ничего не найдете? — Поспешила я отговорить помощника. — Тогда уж вас точно по головке не погладят. Вот если результат будет. Тогда и доложите.

Ушел господин Свирский в глубоком смятении. С одной стороны ехать в Москву ему как видно не слишком хотелось. А с другой грела возможность подняться на самый верх служебной иерархии.

Но откуда у меня уверенность, что может отыскаться нечто, способное помочь? А про разговор и вовсе молчу. Ни за что не решилась бы... — Дикое состояние. — Словно это не я только что сумела убедить владельца могучего холдинга оказать хотя и пустяковую, но услугу простой служащей.

Только теперь проблем, похоже, прибавится. Главная — это доказать всем что я —это я. Вариантов несколько. И все они замыкаются на результаты поездки. Будем ждать.

Но едва только схлынуло нервное напряжение от беседы с представителем фирмы, как навалилась черная тоска. Вспомнилась случайно оброненная фраза этого, не блещущего особым умом, Свирского.

Хотя я так и не сумела вспомнить, как выглядела до трагедии, но перспектива жить с лицом Квазимодо была невыносима: — Ну что это за напасть? Ни имени, ни дома, ни паспорта, даже лица нет.

Вспомнив про паспорт, озадачено наморщила лоб. Выплыла вдруг непонятная картинка. — Край леса, зарево, мрачные тени, и чей-то курносый профиль. Владелец его копает землю, а я стою

чуть поодаль на громадном валуне, Гляжу на воду небольшого озерца. Сверкнул на руке странный браслет. Картинка исчезла так же внезапно, как и возникла.

«Кому скажи, ведь не поверят...» — Меня отчего-то рассмешила нереальность суммы наследства, учитывая, что в карманах потертого халата на сегодняшний момент не было вообще ни копейки.

Беседа с лечащим врачом это чувство только усилила.

На мой возмущенный вопрос доктор только вздохнул и развел руками. — Ну... а что вы хотели? Что бы я вам вот так с ходу вывалил. Нормально. Вам не волноваться нужно, а как можно скогее попгавляться. Ситуация и без того неважная. Осень заканчивается, а у вас ни паспорта, ни полиса.

Он болезненно поморщился. — Да не вугдалак я, и не сволочь. Но... пойми, девочка, есть закон. А по закону я тебя еще вчера должен был выписать. Как только состояние стабилизировалось, и миновала угроза жизни. Остальное, прости, за деньги. Мне ведь каждый день заведующему отделения врать приходится, что у тебя температура скачет.

— И что, вот так прямо на улицу и выгоните? — Я озадачено хлопнула ресницами. — С таким лицом, и в бинтах?

— Ну а что я могу? — Похоже, что доктору надоело извиняться. — Сегодня пятница, вот в понедельник, уж не обессудь, придется выписать.

— Куда ж я пойду-то? — Мне и вправду было невдомек, что можно вот так, без особых заморочек, спокойно, отправить человека на верную смерть. Без перевязок, без денег, без крыши над головой... Дурдом.

— Извините. — Голос врача остался спокоен. — Я должен идти.

— Бог в помощь. — Я подняла руки к лицу и начала неторопливо разматывать повязку.

— Эй, ты чего это? — Валерий Михайлович испуганно дернулся. — Оторвешь все...

— Да какая разница. — Я и вправду готова была содрать эти проклятые бинты вместе с кожей. — Сдохнуть, так хоть в тепле...

— Не дури! Стой. — Он ухватил меня за руку, пытаясь удержать. — Сейчас я тебе направление выпишу. В нейрохирургии аппарат новый поставили. Электростимулятор какой-то хитрый, Швейцарский. Они его только отлаживают, но... вроде вещь неплохая. Может хоть что-то у тебя в памяти прояснится.

— Доктор... я уже почти вспомнила. И уже на следующей неделе должно все проясниться.

— Да слышал я эту историю... — Врач хотел что-то добавить, но сдержался. — Направление все же выпишу. Даст бог, поможет.

— Вы извините. Я не специально, нечаянно вышло. — Я осторожно коснулась забинтованной головы, — а что с лицом? Только честно.

— Хреново, если честно. — Валерий Михайлович опустился на стул. — Множественные, рваные порезы, пару осколков пришлось вынуть, сколы спиливать.

И не факт еще, что все вынул. В слепых могло что-то остаться. Микрочастицы, но сепсис они вызовут, как и нормальные. А сшивать такие порезы, и в обычных условиях морока, а уж в экстренном порядке совсем караул. Нитки тоже барахло. Кто нам конские волосы для травмы даст.

— Коллоидные рубцы будут. Мимика пострадает. Асимметрия лица обеспечена. Ох, зря ты этот разговор затеяла. Еще хорошо, если вторичные швы накладывать не придется.

— Хорошо. В смысле не то хорошо, что хреново, а что все ясно. — Я на мгновение задумалась. — Кто в городе делает хорошую пластику. Удаляет рубцы, и прочее. Где аппаратура есть соответствующая, специалисты.

— Ну... в «Эресмана» есть лазер. Специалисты в Медицинской Академии хорошие. Да много где. Только все это таких денег стоит, что лучше и не говорить.

— А вот сколько к примеру в моем случае будет, ну примерно...

— Ой, не хочу расстраивать. — Доктор даже махнул рукой. — Один сантиметр шва, от трех тысяч рублей. Это только иссечение, а если с коррекцией, с лазером, с пиллингом, с гелями, до восьми может набежать. А у тебя, если на круг..., сантиметров тридцать.

Дюралевые осколки неровные, края как бритва. Словно шрапнелью порубило.

— Второй вопрос. — Я прикинула, успел-ли мой гонец добраться до Москвы. — Генетическую экспертизу у вас в больнице делают? Где я, кстати, лежу. Все спросить забываю.

— Нет конечно. Откуда у нас такое оборудование? Мы жСкорая. Двадцать шестая больница скорой помощи, на Костюшко.

— Это... это где то в Московском районе? — Слегка удивилась я. — А откуда меня привезли?

— С Крестовского. Яхт клуб на острове. — Врач поднялся. — Засиделся с тобой. — Он помедлил, но не удержался и негромко добавил. — А не простая ты штучка... Я ведь рентгенограмму твою хорошо изучил, и выходное отверстие на спине видел. По возрасту тебе лет двадцать, а шрамов, как у ветерана. Это

умудриться надо.

— Боюсь, что сюрпризов вам еще прибавится. — Отозвалась я, занятая своими мыслями.

Процедуры, перевязки. Уколы. День, разбитый на части приемом пищи пролетел незаметно. Никаких скидок на пятницу. Гоняли до самого вечера и закончили только к пяти часам. Однако, едва меня привезли в палату с очередной пытки, как вновь заглянула медсестра. — Опять? — Я даже охнула, представив, что предстоит вновь терпеть боль.

— Да я и сама уже с тобой бегать замордовалась. — Простодушная санитарка беззлобно ругнулась, помянув родственников. Моих, врача, и вместе взятых.

— Может тогда и ну его? — Я глянула на сестру с надеждой. — Михалыч ушел уже, никто и не узнает.

— Ага... а потом меня премии лишат. — Зина шмыгнула носом, подкатила опостылевшую каталку. — Санитара нету, так что ты подруга сама.

— Я сжала зубы и аккуратно перекатилась на холодную клеенку.

— Куда мы?

— На третий, к мозгое...м, нецензурно пояснила сестра. — Машина у них освободилась. Тебе доктор у главного только на это время сумел процедуру выбить.

Громадная, похожая на томограф камера вызвала двойственное чувство. — С одной стороны теплилась надежда, что хитрый агрегат сумеет помочь, а с другой, вспомнилась фраза врача про недостаточно налаженную технику. Была опаска оказаться в роли подопытного кролика и лишиться последнего рассудка.

— Однако ни каких особых впечатлений лежание под невидимыми лучами чудо аппарата не принесло.

Привезя каталку в палату, Зинаида выгрузила меня обратно в кровать и убежала, торопясь на электричку до Колпино, а я попыталась задремать. Однако мозг, растревоженный хитрым агрегатом, работал на удивление четко и бодро.

— Хорошо еще, что соседки, которые после визита наполеонствующего клерка косились на меня с некоторой опаской, в расспросы не вдавались, а старались просто не замечать.

— Уснула, промучившись добрый час.

— Сон, цветной, яркий и даже звуковой сон вновь вернул меня на берег незнакомого озера.

Глеб успел уже углубиться на добрых полметра. Закатное солнце уже успело опуститься за горизонт, сумерки сменились

почти очной темнотой.

— Готово. — Отрапортовал спутник, выбираясь из ямы и отряхивая грязные ладони. — Ты точно решила? Может лучше в воду? — Словно продолжая начатый разговор, спросил он и не дождавшись моего ответа, продолжил. — Тут похоже глубина приличная. Не зря ведь его Щучьим зовут. Щука она мелководья не любит.

Я посмотрела на слабые волны, шевелящие прибрежную осоку, помотала головой отрицая саму мысль о таком святотатстве и аккуратно уложила чемоданчик на дно ямы. Сверху уложила плотно замотанный скотчем пакет.

— А не боишься, что, если все это найдут, с тобой свяжут? — Все не мог успокоиться помощник

— Найдут, значит найдут. — Я хмыкнула. — Отпечатки стерла, а паспорт сам по себе не доказательство. Пусть... Будем считать на самый черный день закладка. Пусть лежат. Ты главное замаскируй, как следует.

— Да уж, будьте спокойны. — Отозвался Глеб, работая лопатой. — Сверху еще дерном обложу. Через неделю никто и с собаками не отыщет.

— Он сноровисто засыпал яму и принялся утрамбовывать поверхность.

— Вот и все. — Я повернулась и долгим взглядом посмотрела на зарево. Горело где-то в паре километров от озера. — Нет больше никакой Ирины Авдеевой. Сгорела вместе со всеми... Спи спокойно, девочка. И прости.

— Странно... — Я сумела удивиться даже во сне. — Это ведь я Ирина? Отчего тогда ее нет? — Додумать не успела.

И вновь сон оборвался так, словно кто-то невидимый выдернул меня из глубины. Проснувшись, поморгала ресницами, приходя в себя, и озадачено уставилась на сидящего передо мной человека.

— Высокий, сильный мужчина немного за сорок. Волевой профиль, зачесанный волосок к волоску пробор, очки в золоченой оправе. Тонкий запах хорошего одеколона.

— Мужчина вновь кашлянул, и заметив, что я уже не сплю, шевельнул стулом, пододвигаясь чуть ближе к кровати.

— С добрым утром. — Произнес он. — Простите, что я к вам с таким ранним визитом, но дело не терпит отлагательств.

— Вы из милиции? — удивилась я, опасливо глянув на спящих соседок. — "Ну а кого еще могут пустить в охраняемую больницу в такую рань?"

— Бог миловал. — Гость усмехнулся. — Хот я работа моя чем-то сродни их, правда в рамках одной компании. Хранить и

защищать.

— —Моя фамилия Дольский. Я начальник службы безопасности компании РосКомодити... Да, да, той самой.

— Я ощутила странное чувство. Словно звякнул где-то в глубине души тревожный звоночек. Вроде и никакой угрозы не таилось в приятном, насквозь интеллигентном госте, а вот беспокойство уже не отпускало.

— Зевнула, и произнесла, стараясь, что бы голос звучал как можно спокойнее —Да сколько можно. — То один, с кучей охранников приходит, теперь вы, ни свет ни заря... Вам-то что от меня нужно?

— —Ну не с кучей, а с парой. — Не повелся на провокацию гость. Что и говорить, этот был человеком совсем иного типа, чем предыдущий.

— Заботы, милая девушка, заботы. Потому, как сказал классик, чуть свет...у ваших ног. А как же мне не озаботиться, если вы мало того, что назвались дочерью моего покойного шефа, так еще и умудрились завербовать одного из наших сотрудников. Подбили так сказать на неправомерные действия...

— —Завербовать? — Да я что шпион что-ли? — Отыграла я, и в то же время с горечью подумала о провалившемся плане. — Попросила помочь дяденьку. Он ведь вам наверняка все рассказал.

— Уж не сомневайтесь. Все рассказал. — Улыбнулся Дольский. — И даже то, что сам, по скудности ума не понял, выложил. А вы молодец, мигом перестроились, и дурочку не изображаете. Приятно иметь дело. Жаль лицо ваше не разглядеть, но я и так, по глазам вижу, умная девочка.

— Послушайте, давайте не будем загадками говорить. Я в туалет хочу. — Решила немного подергать за усы тигра. — Медсестру вызовите, или вы мне сами утку подать соизволите?

— Да ладно, мы не долго. Неужели не потерпите? — Ничуть не смутился гость. — А подать я могу, запросто. Хотите?

— Ладно, потерплю. — Серdito выдохнула я, поняв, что отсрочки он мне не даст. — Что вы хотите, только коротко.

— Что я хочу? Да собственно только одного. Что бы Вы передали вашему шефу, господину Максиму — мы хотя и не столь крупная фирма, но не намерены ложиться под него. Тем более, когда он пытается играть краплеными картами.

— А Максимов тут причем? — Вполне искренне изумилась я.

— Как это при чем? А кто вас послал? Неужели не он? Ну не заставляйте меня в вас разочаровываться. — «Гестаповец» укоризненно вздохнул — Все предельно просто. Одно мне не ясно: как они умудрились уговорить вас на такое. Наверное

сумма должна быть никак не менее, чем с пятью нулями. Оно и понятно. Сыграть такое невозможно. Наверняка и ранения у вас настоящие. Отличный спектакль.

— Да какой спектакль? — я уже начала догадываться, о чем пойдет речь.

— Нормальная такая мелодрама. С неожиданным воскрешением наследницы миллионов, с потерей памяти, с ДНК... Неплохо, неплохо. Конечно, ваши режиссеры отлично понимали, что нас эти, якобы найденные в офисе Макса, образцы Иринино ДНК не убедят, но для следствия они могут стать хоть и косвенным, но доказательством. По крайней мере, наличие сомнений в смерти наследницы первой очереди станет непреодолимым основанием для отказа в передаче управления фирмой внешнему менеджменту.

— Вы ошибаетесь. Я и есть Ирина Авдеева. — Что и говорить, прозвучало это несколько неубедительно.

— Девочка, сколько можно толочь воду в ступе. Я надеялся, что вам не придется разжевывать. — Лицо Дольского скривилось в презрительной гримасе. — Ну что-ж, придется по другому.

— Да, признаюсь, после покушения на Ирину в Москве мы потеряли ее из виду. Но то, что она приехала в Санкт-Петербург и поселилась в своем доме, в Комарово.

— А вот, то, как решил обыграть ее смерть господин Максимов, это по меньшей мере непорядочно, если не сказать сильнее.

Вы уже добрый час пытаетесь меня обвинить неизвестно в чем. Ну как вам доказать, не помню я никакого Максимова. Понятно вам. Вы должны знать, что я все забыла. Это и врачи подтвердят. Меня больше всего бесила моя вынужденная беспомощность. —

Дольский только дернул щекой.

— Да, забыла! — Вспыхнула я. — Помню только, что работала в Москве. А из разговора с вашим, этим, менеджером, поняла, работала в Атолле. Логично предположить, что, могла оставить на рабочем месте какие-то... Ну то, что может стать образцом ДНК.

— Великолечно. А почему тогда вы этого дурачка в Москву отправили, а не на вашу Питерскую квартиру? Ведь это куда проще, и быстрее?

— Ну... — Я задумалась. — Не сообразила, наверное.

— Сообразительность здесь не при чем. Просто там не может быть ничего подобного, однозначно. А вот у Максимова, наверняка отыщется.

— Да при чем тут... — Я досадливо поморщилась, испытывая

непреодолимое желание почесалось нос. — Вы что, думаете, я себя изуродовала из-за денег? Ерунда какая. Просто...просто в квартире наверняка убирают. Домработница или... Мне Глеб сказал, что они все туда уехали. — Выпала я и удивленно замолчала.

— Слушай, ты... актриса, ты память парня не пачкай. Он там среди всех вас один нормальный был. И погиб ни за что.

— Как погиб? — мне отчего-то стало невыносимо тоскливо при мысли, что виденный мною только во сне паренек умер. — От чего погиб?

— Все, надоело. — Начальник службы безопасности погасил улыбку. Лицо его стало жестким, обострились скулы. — Не хотел по плохому, да видно придется. В заключение передай Максимову, что я в курсе, кто ментов на яхту натравил. Поздно узнал, жаль, но доподлинно. — Дольский тяжело вздохнул, потер лицо ладонями. — Понимаю — доказательств у меня нет, да против такого кита, как твой шеф они и не сработают, только сдаваться без борьбы мы не станем. Войны хочет? Будет ему война. А там уж поглядим, кто кого. Вам эта кость поперек горла встанет...

Он поднялся, посмотрел на меня с непередаваемой безразличностью и вышел не произнеся больше ни слова.

«Что за ерунда тут творится? Яхта какая-то, война? Ничего не понимаю. —В голове была форменная каша. С одной стороны все рассказанное ранним гостем казалось форменным бредом, а с другой сидела где-то глубоко заноза, не позволявшая списать все на дурной сон. — Что-то во всем этом было от реальности, но что?»

— Ты это, слышишь. — Голос прозвучал из угла, где спала моя соседка. Грузная женщина лет пятидесяти, которую, как я уже знала, звали Мария Сергеевна, подняла от подушки голову.

— Что? — Я вздрогнула.

— Путают тебя с кем или нет, не ведаю, , только чую, темные дела творятся. — Произнесла тетка вполголоса. — У меня племян в такую вот фирму шофером устроился. Машину ихнюю случайно стукнул. Так они у него квартиру взамен отобрали, на улицу выкинули. Сейчас днем и ночью таксует. Только все без толку.

— Я давеча по коридору ходила, слышала как наш врач кому-то говорил, дескать, выписать тебя хотят. — Вернулась к теме разговора женщина. — Так ты соглашайся, все одно лечить не станут. Да и эти...может отстанут.

— Да я уже и сама так думаю. — Вырвалось у меня, — то никак вспомнить не могла, а вспомнила, опять не то что-то... Вон

какие дела завертелись.

— А ты опять забудь. Для тебя лучше будет. Пусть думают, что спутала.

— Поздно, теперь уже не отстанут. — Я и вправду готова была отказаться от столь опасных воспоминаний.

— Ну смотри, девонька, — Потеряла интерес к беседе Марья Сергеевна. — Только больно уж у этого голос нехороший, как бы беды не было.

Что и сказать, обещание неприятностей в словах гостя не понравились и самой. Однако сколько ни пыталась, отыскать выход не получалось. С одной стороны тревожила перспектива оказаться на улице без копейки денег, а главное без документов, с другой... А с другой не хотелось оказаться между жерновами сцепившихся в нештучной схватке олигархов.

Переживать надоело быстро. Осторожно дойдя до столовой, позавтракала, вернулась обратно в палату, и попыталась заснуть.

Озарение возникло на самой границе сна. В бездумной полудреме.

Я решительно поднялась с кровати, выдохнула, собираясь с силами, и осторожно приблизилась к соседке.

— Извините, вы про своего племянника говорили. — Нерешительно начала я, присев на край чужой постели.

— Ну да. — Непонимающе отозвалась Мария Сергеевна. — Петька. Это который вчера приезжал. Они у меня сейчас живут, вот каждый день и ездют, ухаживают.

— Так может и сегодня будет?

— А как не быть, к двенадцати обещались. — Женщина глянула на часы, стоящие у изголовья. — Тебе-то зачем?

— Вы вроде обмолвились, что шофер он, таксист? А мне как раз нужно в одно место съездить. Срочно. Врачей сегодня нет, а с Зинаидой я договорюсь.

— Это ты с ним сама говори... — Отмахнулась тетка. Мне его посиделки даром не нужны. С женой его я еще поболтать не прочь. Все время быстрее летит, а он только и знает, что про сволочей этих, которые у него хату забрали, ноет... А чего, пусть свозит. Только чего же ты... Прямо в халате и поедешь? Холодно ведь.

— Так вот у вас и хотела пуховик попросить. — Кивнула я на сиреневую китайскую обдергайку, которую Марья Сергеевна выклянчила у кастелянши, чтобы гулять во дворе.

— Да бери... — Легко согласилась соседка.

Петька, как назвала непутевого племянника Мария Сергеевна, здоровый рыжеватый парень, заглянул в палату без пятнадцати двенадцать.

— Теть Маша, здравствуй. Я в фойе подожду — Оповестил рыжеволосый родственник тетку и уступил место в дверях жене.

— Эй, Петро, ты погоди. — Соседка привстала с кровати. — Я тут с Зойкой поболтаю, а ты вон, пока, девушку отвези. Ей съездить надо, да и тебе деньги не лишние будут.

Петр покосился на меня недовольным взглядом, обреченно вздохнул, но спорить с благодетельницей не решился.

Я торопливо сунула ноги в стоптанные бахилы, и принялась скручивать с головы тугие бинты.

Ехать в виде египетской мумии мне не улыбалось абсолютно.

— Да ты чего? — Охнула Мария Петровна. — Тебе-же нельзя...

— Ничего... я пластыри оставлю и аккуратно. — Пробормотала я, продолжая работу. — А то совсем как не знаю кто...

Закончив, сунула бинты в карман, провела ладонями по спутанным волосам, накинула пуховик и шагнула к выходу.

— Эй, а куда ехать-то? — Поинтересовался Петр, когда мы остановились в ожидании лифта.

— В Комарово. — Огорошила я, и, торопливо, чтобы не дать времени на раздумья, добавила. — Заплачу, сколько скажете.

— Не... ну это пол сотни километров в один конец. — Затеял торги таксист. — А по тебе и не сказать, что при деньгах.

— Вот за деньгами и еду. — Сблефовала я. — В аварию попала, никто и не знает. Деньги дома возьму, и обратно.

— А не сбежишь? — Прямодушно поинтересовался рыжий водила.

— Куда? Ты на меня посмотри. Да мне и на перевязку вечером. Иначе гангрена... и привет.

— А не заразно? — Если честно, быдловатый племянник начал раздражать. — Ну ладно, четыре штуки готовь, и только потому, что тетка попросила.

— Отвечать не стала, лишь согласно кивнула, отворяя тяжелую дверь. Выскочила на улицу и задохнулась от сырого осеннего воздуха. Голова противно закружилась, в глазах замелькали белый мушки.

Прошаркав по заледенелому асфальту, опустилась на холодный винил сидения, пристегнула ремень.

Водитель неторопливо устроился за рулем, ткнул пальцем кассету, и завел двигатель.

— Разбитый «жигуль» медленно выполз из больничных ворот.

Ехала молча. Вернее молчала я, а вот Петр без передышки и, не особо выбирая выражения, костерил следующих в попутном направлении водителей. Ему все время казалось, что каждый

норовит подрезать, или притереть его ласточку. «Козлы и раздолбай» были самыми мягкими эпитетами, которыми мой возница награждал соседей.

Машина выбралась из города и покатила по трассе. Сменил тему импровизированного монолога и Петр. Теперь он, с не меньшим жаром поливал грязью бывших работодателей, лишивших его жилья.

Из мало информационного рассказа сумела понять только одно, что квартиру продали в счет погашения долга за разбитую машину, на которой водитель решил подхалтурить в свой выходной. Разбитый в хлам Мерседес вытянул на три миллиона рублей.

«Странный... — Слегка удивилась я. — А что же он думал, ему сто тысяч баксов простят? Интересно, сам как бы на их месте поступил? Правда вслух выражать свое недоумение не стала. Благоразумно воздержалась.

Вполуха слушая нудные разглагольствования, попыталась сообразить, чем обернется моя авантюра, если предположения, построенные на странном, похожем на сон воспоминании, окажутся пустышкой. — Мало того что не смогу расплатиться, так ведь может и обратно не повезти. Оказаться посреди чистого поля в одном халатике под затрепанным пуховиком было страшно. По настоящему, без скидок на посттравматический синдром и прочие мудреные термины.

Придется идти ночевать на вокзал. Там хотя бы тепло. — Решилась наконец я. — Или в милицию?

Хотя последний вариант всерьез не рассматривала. Что-то подсказывало — разговаривать с не имеющим документов, с залепленной пластырем физиономией, заявительницей никто даже и не станет.

«Дурака ты, Оля, сваяляла!» — Произнесла я про себя и даже охнула. Так естественно прозвучало в мозгу это имя.

— Какая еще Оля — Ирина? — Одернула я свой мысленный голос, и вновь поразилась. Теперь это имя звучало куда более чужеродно, чем первое.

«... ее»... — Ругнулась я ничуть не хуже моего соседа. — Это охренеть уже. Кто же я в конце концов? Оля, Ира, или вообще — Лизавета какая?

— Впрочем, на Елизавету сердце не среагировало. — И то хорошо. — Попыталась я отыскать в ситуации хоть какой-то светлый момент.

И только тут сообразила, что Петр, уже в который раз, пытается что-то спросить.

— Дальше куда, ети его... — Рыкнул водитель толкнув меня в

плечо. — Спишь что-ли?

Я покрутила головой, осматриваясь. — Увы... Никаких воспоминаний. Чужие, однотипные дома, легкая дымка над стоящими стеной соснами, небольшой магазинчик.

— Ага... — Вот к магазину давайте подъедем.

Петр буркнул вполголоса что-то малопечатное в мой адрес, но припарковал автомобиль возле невысокого бетонного крылечка.

— Я быстро... — Выскочила из нагретого салона, и, на ходу запахивая полы пуховика, побежала к стеклянным дверям.

— Озеро? — Подозрительно глянула на меня продавщица, одиноко скучавшая за прилавком. — Тут их несколько. Черное есть, Щучье, это смотря какое тебе нужно.

— Да, да... Щучье, точно. — Я так обрадовалась, словно бы уже достигла своей цели. — А возле него коттеджи есть? Там еще с полгода назад один дом горел. Большое такое зарево было.

— Ну а как-же... — Продавщица ткнула пальцем куда-то в сторону окна. — Там и горел. Да что горел, он ведь сперва взорвался. У меня на веранде все окна выбило. Пришлось...

— Извините, а как к озеру добраться. — Невежливо перебила я, вспомнив о нетерпеливом шофере.

— По Озерной и езжайте, она так и называется, что к озеру ведет. Как за город выберетесь, левее надо взять. По грунтовке еще километра два. Да там указатель есть. Летом туда часто прие...

— Кто приезжает летом на озеро я так и не узнала. Выскочила на крыльцо, успокаивающе замахав руками в ответ на истеричное вяканье клаксона.

— Ну что вы такой нервный. — Неосмотрительно бросила я, опускаясь на сидение.

— Мы с тобой как договорились? — Зашипел, едва не испепелив меня взглядом, Петр. — Туда-обратно. И деньги на бочку.

— Ну что, нашла? — Отвлекся он, вспомнив о расчете.

— Деньги я найду. — Произнесла я, с дрожью думая, что от того, смогу убедить психоватого бомбилу внять голосу рассудка, или нет, зависит успех моего замысла. — Звучит дико, но я ничего не помню. Только то, что где-то возле озера закопаны деньги. Помогите мне и я рассчитаюсь. И не четыре тысячи отдам, а все...десять.

— Ты охренела? Выходит правду про тебя тетка говорила. — Изумился Петр, мимоходом предельно матерно оценив умственные способности Марии Степановны.

— Я тебя за полсотни километров вез, что бы сейчас, на ночь глядя, вокруг какого-то озера ездить. Ни хрена. — Он вновь зашелся в истеричной ругани. — На...ть меня решила. Ну, ничего... я тебе сейчас устрою.

Он вдруг оборвал себя, и завел двигатель. — Ладно, так и быть, поехали. Где там твой клад? Показывай.

Не понравилась мне эта сговорчивость до чрезвычайности. И взгляд его не понравился. Показалось, что стянул он с меня этим взглядом чужой пуховик.

Однако выхода не было.

«Ладно... бог не выдаст, свинья не съест, — решила я и ткнула пальцем в указатель. — По Озерной до конца, а там налево...

Петр сжал губы, переключил рычаг передачи и направил машину вперед.

— А у вас лопата есть? — Вспомнила я привидевшуюся картинку.

— Все есть... — отозвался Петр без малейшего промедления. — И лопата, и мешок, пиастры складывать.

" А ведь он мне не верит. — Мелькнула беспокойная мысль.

Тем временем машина выползла на разбитую шоссейку, петляющую между высоких сосен.

И вновь Петр повел себя совсем не так, как должен был отреагировать дорожащий своим авто хозяин. Таксист остервенело крутил баранку, искоса поглядывая на меня.

— Приехали. — Вдруг выдохнул он, загнав Жигуленок в заросли невысокого ельника. — Сейчас и рассчитаемся.

Петр заглушил двигатель и цепко ухватил меня за волосы короткими, жесткими пальцами, потянул из машины.

— Стой, стой. Ты чего... — Жалобно простонала я, с ужасом понимая, что долг он собирается получить вовсе не драным пуховиком.

— Я сама...сама... — Попыталась ослабить остервенелую хватку.

— Сама мне жена даст... — Одышливо просипел рыжий, мотая меня словно куклу. — Я тебе сейчас за все отомщу...тварь. За все...

А ведь он не просто насиловать собрался, он меня убивать сюда привез. — Поняла я. И тут мне стало по-настоящему страшно.

Вывалилась на сырую лежалую хвою, поджала к груди вмиг ослабевшие колени, и задохнулась от страшного удара в лицо.

И в этот момент страх исчез, меня захлестнула лютая ненависть. Бросила вперед руку норовя вцепиться ногтями прямо

в ненавистную рожу навалившегося на меня амбала. Заставила того на мгновение ослабить хватку, вывернулась, и тут же почти наугад лягнула ногой. Стоптаный каблук моего башмака на удивление ловко вцепился в поросший редкими рыжими волосами висок.

Петр странно хрюкнул, разжал пальцы и начал медленно заваливаться в бок, на серую от дорожной пыли траву. Ноги дернулись несколько раз и замерли.

Я присела на корточки и с ужасом уставилась на неподвижное тело насильника. Сейчас он ничем не напоминал распаленного злобой и похотью зверя. Мирное, даже немного обиженное лицо. Остановившийся взгляд устремлен в клочок серого осеннего неба.

«Он хотел тебя убить, и убил бы. Но перед этим... — Попыталась я убедить себя в необходимости своего поступка.

И тут в голове возникло другое, дикое, страшное воспоминание: Черные, жесткие волосы, гортанные каркающие голоса, потные лица...и боль. Страх и боль.

Вынырнула из забытья, и оценила ситуацию уже куда более спокойно. —Что-ж, он сам выбрал. А вот поверил бы, глядишь, денег заработал, и жив остался. — Голос рассудка звучал даже как бы слегка сожалеющее.

Однако теперь проблем у меня прибавилось. Возвращаться в больницу нельзя, но и бросить труп здесь — тоже не выход. Значит... значит нужно действовать по прежнему плану. А это..., придется пока возить с собой.

С трудом, преодолевая страх, усадила безвольное тело на пассажирское сидение, заглянула в багажник, мимоходом отметив, что лопата и вправду имеется, опустилась за руль.

«Странно, а ведь я только что убила человека. Одним ударом. И ничего? Никаких терзаний, стресса? Даже удивления особого нет тому, с какой легкостью это произошло. Неужели это нормально, или он у меня уже не первый? Но почему?

Лавина вопросов могла захлестнуть. Единственный выход — отложить все переживания на потом. Забыть на время. Совсем. Начисто.

— Отставить! — Вдруг рывкнула я. — Сперва дело. Сопли потом, на базе. — Дернула рычаг, включая заднюю передачу, и с усилием повернула руль.

Я сидела на берегу довольно большого озера. Тишина осеннего леса, ветерок, нагоняющий небольшую волну, криканье шальной утки. Но все это умиротворяющее благолепие разбивалось об осознание груза навалившихся забот.

Отбросив несвоевременные переживания, всмотрелась в

выбранное для исследования место. Сейчас все здесь выглядело совсем по-другому. Хотя... другого места, от которого были бы видны крыши разномастных коттеджей, отыскать не смогла. Надежды внушал и берег, довольно высокий, обрывистый. Такой обнаружился только здесь.

— Ну... помолясь, приступим. — Произнесла я, вынимая лопату. Пару раз ткнулась впустую, и вот, наконец лезвие, разрубив плотный дерн, пошло чуть легче. И все равно, пока разгребла верхний слой, взмокла как мышь. Заныли потревоженные швы на лице, покрылись красными волдырями ладони.

— Тяжелое это дело — клады искать. — Усмехнулась, гася предательскую мыслишку о возможном фиаско, и продолжила землеройные работы. Кусок толстого пластика появился из земляной трухи неожиданно. Я замерла, оглянулась по сторонам, и отложила лопату в сторону. Дальше разгребала уже руками.

Пакет, перемотанный скотчем, выглядел именно так, как привиделось. Торопливо разорвала слой целлофана и вынула содержимое. Паспорт открывала с понятной опаской. Всмотрелась в довольно симпатичные, и смутно знакомые черты, прочитала напечатанные на первой странице.

Предчувствие не обмануло. Пятнадцати тысячам евро конечно тоже обрадовалась, но куда меньше, чем документам.

Стопку рукописных листков и какие-то документы, изрядно обляпанные печатями, разглядывать даже не стала. Просто отложила находки в сторону, и вновь взялась за лопату. Откопав чемодан, ухватила за ручку и вытянула на свет. Содержимое озадачило.

Аккуратно уложенные в пазы детали какого-то сложного инструмента ответной реакции не вызвали. По крайней мере, сказать сразу, для чего предназначены эти железяки с рычажками затруднилась. Озарение наступило, когда вынула из кейса нечто, похожее на... приклад. Точно, а вот эта трубка, с крышками на концах, неужели прицел. Так это что, винтовка? Откуда она у меня? Зачем, спрашивается? — Я воровато оглянулась, кое как запихала детали о в кейс, и опустила его обратно в яму.

Придать раскопкам прежний вид не удалось, однако особо переживать не стала. — Кому придет в голову, что свежие проплешины таят столь опасную находку. В худшем случае, если даже попадет, кому на глаза, решат, что кто-то из отдыхающих прикопал мусор.

Закончив с маскировкой, рассовала пачки с деньгами по карманам, туда-же спрятала заветный паспорт, а остальные бумаги сложила в пакет.

Сидеть в машине, рядом с покойником, было довольно страшновато.

«Ага... убить его не страшно было, а теперь забоялась... — Приструнила я себя, и решительно опустила на водительское сидение. Было громадное желание поработать лопатой еще немного, и похоронить неудачливого Петьку рядом со снайперскими прибабахами, но что то подсказало неразумность подобного поступка. Решила сделать иначе: отогнать машину подальше отсюда и устроить небольшой костерок из продукта советского автопрома. Тоже, по большому счету идиотская мысль, но так его хотя бы не свяжут с огнестрельным содержимым тайника.

Чем дальше я отъезжала от поселка, тем тревожнее становилось на душе. Стоит первому попавшемуся гаишнику обратить внимание на сидящую за рулем автомобиля, как мое путешествие закончится. Ну а что будет потом, можно представить. Чужая машина, труп хозяина. Этого хватит с избытком, чтобы обеспечить мне теплую и сухую камеру на долгие годы. Была ли там попытка самообороны, или нет это вопрос, а мертвое тело — вот оно...

Развлекая себя такими, невеселыми мыслями, не сразу и заметила, что в зеркале заднего вида происходит что-то странное. Машина, небольшой фургончик, типа грузовой газели, который, должен был уже несколько минут назад обогнать исчезнуть за горизонтом, пристроился в хвосте моего жигуленка, плетущегося со скоростью инвалидной коляски.

— Это ж-ж-ж не спроста, — только и успела подумать я, как следующий в фарватере автомобиль резко ускорился, нагоняя. Еще секунда, и его резко мотнуло в мою сторону. По всему выходило, что бешеный гонщик, которому надоело видеть впереди себя корму чужого авто, решил убрать помеху с дороги именно таким, радикальным способом.

Я визгнула и вдавила педаль газа до пола. Но сколько ни дергала рычаг, выжать из старенького Жигуленка более ста километров не удалось. Свежий, хотя и более тяжелый, автомобиль не отставал. Однако теперь его задача даже упростилась. Столкнуть с дороги легковушку на более высокой скорости гораздо легче.

Фургончик вновь поддал газу, поравнялся, и вильнул вправо. Мою таратайку начало неудержимо тащить к обочине, крутануло, а через мгновение все в салоне пришло в движение. Земля и небо поменялись местами, дикий скрип рвущегося металла ударил по ушам, посыпались выбитые стекла.

Вцепилась в руль и в ужасе закрыла глаза. Казалось, что

беспорядочное падение продолжается невыносимо долго, но вот, наконец, ударило особенно сильно, голова со всей силы врезалась в стойку. Так, что вспыхнули в глазах сиреневые искры, и окружающий мир на мгновение исчез.

Медленно, не совсем понимая, цела, или нет, попыталась открыть дверцу. . Увы, смятое железо заклинило намертво.

Выбраться из лежащей на боку машины, через вылетевшее от удара стекло оказалось не просто. Пуховик цеплялся за все подряд, и мешал страшно. Наконец выползла на горячий капот, мешком свалилась на поросшую редким бурьяном землю. Мыслей не было. Только негромкий звон в голове.

Мимоходом отметив отсутствие дыма над кучей искореженного железа, в который превратилась машина, перевела взгляд на трассу.

Микроавтобус, столкнувшийся с дороги, успел уже скрыться из виду, а редкие машины останавливаться вовсе не торопились. Чуть притормаживали, как видно рассматривая место ДТП, и вновь прибавляли скорость.

Опустилась на кусок бетонного столба, неведомо какими судьбами, оказавшийся посреди ровного поля, пытаюсь определиться в ситуации. Но тут осенило. — Я вспомнила! Вспомнила все! И то, что никакая я не Ирина, и откуда на берегу озера оказался уложенный в футляр Винторезный, и самое главное; Отчего так ныло последние дни сердце.

«Они погибли из-за меня... — Произнесла Оля, удивилась, как буднично прозвучал голос, и повторила. — Все погибли.

Окружающее начало терять резкость, расплываться. Мазнула ладонью по лицу, стирая слезы, сжала зубы.

— Как? Почему? Какая сволочь? Неужели и вправду — Максимов? — Она вспомнила голос, звучавший в трубке, и с сомнением покачала головой. — Не похоже. Так сыграть он не мог. Или я ничего не понимаю в людях. Тогда кто?

«Стоп! — Оля вернулась в мыслях к событиям последних часов. — Это все после. Сейчас главное использовать аварию с максимальной выгодой».

Вновь проследила траекторию полета, моделируя ситуацию, и направилась к перевернутой машине. Примерилась, вытянула успевшее окоченеть тело Петра из салона, пользуясь лопатой, словно монтировкой отжала водительскую дверцу, распахнула. Отступила на пару шагов, и взглянула на созданную мизансцену. — А что, все в цвет. Я на пассажирском сидении, таксист за рулем. Машина перевернулась, вот он вывалился, и виском об этот камень долбанулся.

Задержала взгляд на покойнике. — «Пустой конечно, был человек, но ведь человек. Да и сама хороша. Нет что бы

вполсилы уgomонить, так со всей дури влeпила. Ясно что не специально, скорее от страха, но ему от этого уже легче не станет».

— Эй, вы живы!? — Прервал ее раздумья голос с дороги. Водитель груженого щeбнем Камаза остановил машину возле обочины, и заинтересовано вглядывался в картину ДТП.

— Живая! — Крикнула Оля в ответ, и показала на лежащее возле нее тело. — А водителя убило.

— Точно целая? С лицом—то что?

— Нормально! Поцарапало только, уже залепила... Позвоните в милицию... Водитель, он не дышит. Я боюсь. Не знаю, что делать.

Мужик спрыгнул с подножки, подошел ближе, посмотрел на Петра, лежащего головой на камне.

— Не повезло мужику. — Вдохнул он, тронув холодную руку. Как вас так угораздило, на ровной трассе—то?

— Обгоняла машина, потом вильнула. Мы с дороги..., и как завертело... Ой, да я не соображаю ничего. — Отозвалась Оля, добавив в голос истерических ноток.

— Подрезал. Это бывает. — Понятливо закивал головой водитель. — Летят, торопятся, сволочи...

Он не закончил, вынул из кармана сотовый телефон: — Я позвоню сейчас, ГАИшникам.

Коротко, профессионально обрисовав ситуацию, водила нерешительно переступил обутыми в кирзу ногами: — Мне это... ехать надо. Тебя в больницу отвезти?

— Не надо. Я милицию дождусь. Им ведь все рассказать надо.

— Ну да. Ты номера тачки той не запомнила?

Оля помотала головой:

— Жаль. Найти трудновато будет. — Водитель грузовика покосился на ее лицо. — Там у тебя кровь течет, давай в Скорую позвоню?

— Да лицо ладно... Вот голова что-то кружится. И тошнит. Позвоните, если не трудно. — Решилась Оля.

Шофер потыкал кнопки телефона, ободряюще подмигнул ей и вызвал скорую, слегка преувеличив беды потерпевшей.

— Иначе хрен их дождешься. — Пояснил он. — Я сам как-то два часа на морозе ждал. — Он глянул на дорогу. — Ладно, поеду. Все равно ничего не видел, а если менты застанут, потом в свидетели впишут.

Камаз фыркнул глушителем, и унесся, а Оля осталась сидеть одна на промозглом ветру.

Ждать пришлось долго, и замерзнуть она успела всерьез. Поэтому играть почти не пришлось. Трясло вполне натурально.

Мучить и без того находящуюся в состоянии шока пассажирку ГАИшники особо не стали. А что тут, собственно неясного? Поэтому сняли стандартные показания, заставили подписать бланк, и даже напоили горячим кофе из термоса. Благо, что наконец то подоспела и машина скорой.

Врач констатировала смерть водителя, мимоходом осмотрела повреждения пассажирки, и, даже не выказав удивления швами под серым от пыли пластырем, дала знак грузить пациентку в УАЗ.

Оля лежала на стылом брезенте носилок, и тихо зверела. Сейчас, когда все произошедшее с ней выстроилось в одну цепь, ей оставалось корить только себя. За все. За то, что не смогла предусмотреть иезуитскую хитрость неизвестного доброжелателя, воспользовавшегося их отсутствием, что не проявила должной бдительности когда вернулась на яхту. Даже за то, наконец, что смогла переломить ситуацию и выдернуть их из камеры. Ведь останься они там еще на пару дней, глядишь ситуация могла обернуться и по другому.

Чувствовала, как бегут по пыльным, стянутым щекам слезы, и ничего не могла с собой сделать. А может и не хотела. Невозможно быть все время собранной и предусмотрительной. Как ни крути, а чужой опыт он все-же чужой. И тяжело понимать, что именно из-за тебя погибло три неплохих человека. Ведь не втяни она их в свою идиотскую затею, ничего бы и не было...

Голова, которой досталось в очередной раз начала нестерпимо болеть. Эта тупая, ноющая боль, выводила из себя куда сильнее, чем привычный, к которому уже смогла притерпеться, зуд в заживающих порезах.

Попыталась взять себя в руки, но сосредоточиться мешал гундосый, окуающий голос, звучащий в динамике.

Это сидящий на переднем сидении санитар, настроил приемник на неистребимый шансон, и врубил погромче.

— Тише сделайте, пожалуйста. — Приподняла Оля голову.

Парень согласно кивнул и чуть пригасил звук. Обернулся и заинтересовано глянул на пациентку:

— Что с лицом-то у вас?

— Это раньше. Бытовуха. Порезалась, когда брилась. — Пошутила Оля, но произнесла это таким скрипучим и злым голосом, что сидящая рядом с носилками медичка поежилась и отодвинулась чуть подальше.

— Повреждения у вас небольшие, может не стоит в Тысячекоечную? В травмпункт заедем, рентген, на предмет сотрясения, сделаем, а там уж по результату? — врачихе явно не хотелось возиться со странной пациенткой. — Живете то где.

— Значит так. — Оля собралась с мыслями. — В «Койку» конечно не поедет. Чего я там забыла. С коновалами, что там лиходействуют, уже познакомилась. На лицо теперь без слез не взглянешь. А поедет мы в клинику лицевой хирургии. Подскажите мне, какая в Питере считается лучшей?

— Это вы загнули. — Врач поджала губы, обиженная столь нелестным эпитетом коллег. — И кто это вас со Скорой туда примет? Хорошо если в обычной место найдется.

— Я сказала. — Отрезала Оля. — Решать буду сама. — Поднялась с носилок и пересела на свободное сидение. — Вот вам за труды пятьсот евро. Годится? — Вытянула из кармана купюру. — Привезете, и свободны. Остальное моя забота. Оформлять не нужно. В карточке напишите: неустановленное лицо, от госпитализации отказалось.

— Даже и не знаю... — В голосе врачихи прозвучало сомнение. Больно уж не вязался подранный пуховик с новенькой, хрустящей купюрой.

— Да ладно, чего там. — Паренек среагировал куда проворнее. — За ваш каприз— любые деньги... Э... В смысле, доставим в лучшем виде. Хоть в Кресты, хоть в Эрисмана... — Уточнил поклонник шансона. — А вообще, если не шутите, то тогда вам в Академию Мечникова нужно. На кафедре реконструктивной хирургии классные спецы есть, только дорого там...

— Нет, в Кресты не надо. — Усмехнулась Оля. — Там тоже недавно была. Неинтересно, а вот в Мечников, пожалуй. Главное, чтобы сделали, деньги это второе.

Случайно оброненная ею фраза, вкупе с неслабой купюрой оказала волшебное действие. Манеры эскулапов приобрели вовсе уж английскую чопорность. Поэтому спускаться со ступеньки УАЗа ей помогали едва-ли не всем экипажем.

Вопрос с размещением в отделении лицевой косметологии решился не менее оперативно. Доктор в чистом отглаженном халате внимательно выслушал до предела урезанную историю Олиных злоключений, мимоходом глянул на заживающие порезы, и в мгновение ока скалькулировал сумму договора.

Как и предполагала, лечение вылетело в копеечку. Вернее в евро. Без малого десять тысяч, не считая дополнительных, оплачиваемых по факту услуг. Однако взамен пациентка получила отличную одноместную палату, чистое белье и вежливое отношение обслуживающего персонала.

Оставив странную пациентку в приемном покое, экипаж скорой отправился по новому вызову, а Оля блаженно расположилась на мягкой кровати.

Тишина, тепло и покой. Наверное, впервые за последние дни она чувствовала себя так спокойно. Но только до того момента, пока не вернулась в мыслях к своим злоключениям. А главный вопрос, заставивший ее сбросить сонную дрему, был незатейлив и прост. — Кому выгодно?

Непреложная истина, что в девяноста случаях из ста искать злодея нужно именно по этому признаку. Маловероятно, что покушение, что первое, что второе выгодно Максимову. Олигарх возможно и не прочь был бы подгрести оставшийся без хозяина кусочек дела, но не станет лезть в крутую уголовщину. Не тот уровень. Да и не стоит овчинка выделки. Куда более подходит на эту роль тот, кому фирма Авдеева может отойти в случае непринятия Ириной наследства. Вот его, этого Мистера Икс и нужно вычислить. Вычислить и наказать.

Оля дернула щекой сообразив, что имела в виду под столь обтекаемым выражением, поскольку почувствовала в этот момент, как мягко шевельнулся кончик указательного пальца выбирая холостой ход спускового крючка. — И это будет справедливо и не имеет ничего общего с обычной местью. Таких нужно наказывать. Ограждать и перевоспитывать поздно, да и бесполезно.

Она восстановила в памяти все моменты ее недавней беседы с Дольским.

Начальник Службы Безопасности, естественно не открыл никаких особых тайн и секретов. Не та школа. Но на нынешний момент эти тайны «Авдеевского двора» Олю не так уж и заботили. Куда более интересовала сама личность цепного пса фирмы. И по здравому рассуждению выходило, что он был искренен. Заблуждался, конечно, но искренне. Что вовсе не исключало его из числа подозреваемых. По крайней мере, во втором, довольно, стоило признать, корявом покушении.

А, впрочем, сам Дольский мог и не знать всех деталей. Наверняка доверился исполнителю, или начальнику исполнителя, что еще менее умно, а тот в меру сил и сообразительности и организовал эту самую самодеятельность. Ну а как иначе можно назвать сегодняшнюю, совершенно неподготовленную, можно сказать глупую акцию. И что самое непрофессиональное — никто не удосужился даже остановиться и проверить результат.

— Чисто дети... — Усмехнулась Оля, вспомнив Лехину присказку. Озвучил он ее, правда, совсем по другому поводу, но...

— А ведь это идея. — Прошептала Оля, лихорадочно вспоминая слова посетившего ее милиционера,.

«Что-ж, стоит учесть и такой вариант. — Подвела она итог. — Ну а мы ответим адекватно, однако асимметрично. Иными

словами, поступим следующим образом...»

План, составленный ею, ничуть не помешал лечению. Наоборот, для его воплощения это как раз и было необходимо. Лечение, оплаченное свободно конвертируемой валютой разительно отличалось от того, которое ей предоставили в рамках обязательной помощи. Иными словами — лечили всерьез и на совесть.

Операцию назначили же на третий день. Хирург, которому выпало исправлять чужие огрехи, к Олиным пожеланиям отнесся внимательно. Принял из маленьких пальчиков пару сложенных пополам купюр, и пообещал исполнить как нужно. И вот теперь она опять лежала с лицом полностью замотанным фиксирующими повязками. Чувствовать ползающих под кожей «муравьев» Оле было уже не внове, поэтому, не тратя времени не бесплодные сомнения просто ждала.

Дни, похожие один на другой, летели со скоростью курьерского поезда. Незаметно пролетела пара недель, наступил момент истины.

Как ни убеждала, ни готовила себя, а вот сделать первый взгляд на свое новое отражение смогла с некоторым внутренним напряжением. — Но высококласный врач не обманул. Конечно, сейчас лицо нельзя было назвать привлекательным. Опухшее, с фиолетово желтыми пятнами рассасывающихся гематом, с неровными полосками шрамов, но не страшная ритуальная маска с вывернутыми губами и свернутым на бок носом.

Могут ведь, когда захотят. — Удовлетворенно заключила пациентка элитной палаты, всматриваясь в свое, и в то же время неуловимо чужое лицо. В том и содержалась ее маленькая просьба, подкреплённая тысячей евро. Сделать операцию так, что бы лицо немного, совсем чуть чуть изменилось. Настолько, что бы можно было минимальным количеством косметики превратить его в совершенно чужое.

Чуть толще вроде бы стала нижняя губа, неуловимо, или самую малость изменился разрез глаз. Да кто его разберет, к каким ухищрениям прибег косметолог, выполняя Олин заказ, но лицо ее стало в чем-то другим.

«Я же для дела. — Попыталась оправдаться перед самой собой Оля, чувствуя непонятное смущение.

«Наигравшись» с зеркалом пересчитала остатки наличности и задумалась о дальнейших шагах. И вновь ей вспомнился Лехин поход по магазинам.

Вспомнила и озадачено охнула, схватившись за руку: " Как же она могла забыть? А кольцо? Ведь оно не могло свалиться с пальца. Никак. Значит, что? Выходит, попутал кто-то? Грустно

было признавать, но снять его мог кто угодно. Оля вздохнула, и добавила в длинный перечень претензий к неведомому подрывнику еще один пункт. Она, конечно, не шла ни в какое сравнение с остальными, но для нее это колечко значило много.

Решить проблему с одеждой оказалось значительно проще. Заказ, сделанный ею по интернету, исполнили с невероятной быстротой. Всего через три дня ее гардероб пополнился отличными, и главное не слишком и дорогими вещами и обувью.

Теперь беспокоило Олю только неумолимо бегущее время. — До окончания срока осталось всего ничего. Конечно, случись ей отстаивать свои права в суде, она сумела бы легко опротестовать любой нотариальный документ, но в то же время она понимала, что суд дело долгое, и главное затратное. Поэтому твердо решила не доводить.

— Главное — сделать предложение, от которого им будет сложно отказаться. — Перефразировала Оля крылатую фразу дона Корлеоне. И закончила совсем с другой интонацией. — Что ж, если вы его хотите, оно вам будет...

Втирание хитрых гелей, лазерная шлифовка, уколы, и множество других процедур принесли результаты. Опухоль сошла, исчезли фиолетовые круги, разгладилась..., ну почти разгладились, рубцы от ран. Теперь ее отросшие волосы обрамляли вполне симпатичное лицо. А час упражнений с косметикой вернул Оле ее прежнюю привлекательность.

Сейчас, когда исчезли последние следы операции, и спала опухоль заметить, что всего месяц назад ее лицо было обезображено многочисленными порезами смог бы только очень внимательный. А главное подкованный в этом вопросе человек.

Остатки денег, основная масса которых ушла на оплату услуг клиники, истратила, сняв небольшую комнату в коммуналке. Условия, или их минимальное количество, конечно соответствовали стоимости, однако этот факт Олю сейчас не беспокоил вовсе. Главное, что была крыша над головой. Днем она все равно

Орфей Степанович Воронков сидел в роскошном кресле, не менее роскошного кабинета генерального директора фирмы РосКомодити и задумчиво смотрел в окно на открывающийся перед ним городской пейзаж. Громадный мегаполис отсюда с тринадцатого этажа нового здания был похож на торт, разрезанный на десятки прямоугольных кусочков, над которым возвышался блестящий купол Исакия.

Впрочем, красоты Северной столицы и занимали новоявленного руководителя мало, вернее Орфей Степанович их даже не замечал. Голова его была занята куда более

прозаическими вещами.

Сказать по совести, когда полгода назад он узнал о внезапной и трагической гибели своего шефа и хозяина, Орфей Степанович испытал двойственное чувство. С одной стороны Ивана было жаль до слез. Мужик он был правильный, и как руководитель и как человек, а с другой... Смерть босса вызвала цепочке руководства компании естественные перемещения, и позволили самому Орфею занять столь высокое положение в крупной кампании.

В неполные сорок лет для менеджера любого звена — достижение. Увы, привилегии и внешние атрибуты поста приелись быстро, а вот забот прибавилось на порядок.

А в довершение всех неприятностей вывалился целый ворох непоняток. Практически одновременная гибель всех акционеров заставила многих из тех, кто до этого плодотворно сотрудничал с фирмой, задуматься. Оно и понятно: чередой странных, и загадочных смертей, отсутствие некоторых, но весьма важных уставных документов, и прочее, прочее, что отравляло жизнь временному управляющему, для опытных контрагентов умеющих понимать ситуацию верхним нюхом не просто говорило, кричало об одном. О том, что есть кто-то, кому все это выгодно. А значит ситуация может в любой момент измениться.

Нужно быть уже вовсе не дальновидным человеком, чтобы не понять — фирма с таким скелетом в шкафу не лучший партнер в наше беспокойное время.

Орфей Степанович вздрогнул, поморщился, перевел взгляд на стол, и только тут понял, что его отвлекло. — Мигающий сигнал интеркома.

— Прибыла журналистка. — Доложила секретарь. — Шилова Ольга.

— Какая еще... — Наморщил лоб Воронков, и почему докладываете вы? Как она прошла через охрану?

Но тут Орфей вспомнил, что еще вчера имел странный разговор с редактором Московского журнала, и имел неосторожность согласиться с его просьбой. Ссориться со столичной прессой сейчас, когда все и так с болезненным интересом следят за творящимся на фирме, было глупо, поэтому Воронков отделался неконкретным согласием... Однако он вовсе не ожидал от акул пера такой оперативности.

— Черт ее принес. — В сердцах ругнулся Орфей Степанович, совершенно не озаботившись тем, что журналистка может услышать его.

— Ладно, впустите. Только напомните мне, что через пятнадцать минут я должен ехать... — Воронков, не сумев придумать куда, скомкал фразу, — в общем, ехать...

— Хорошо, Орфей Степанович. — Показалось или в голосе секретарши прозвучала неувловимая издевка. Воронков, которому с детских лет пришлось вынести немало насмешек из-за своего имени, даже сейчас, став серьезным начальником, тем не менее болезненно относился к возможным намекам.

Толстая, отделанная под мореный дуб, дверь отворилась и в кабинете появилась журналистка.

Орфей, сидящий за столом, повернул голову, всмотрелся в миниатюрную фигурку, и невольно замер. Хлопнул реденькими пегими ресницами, пытаясь сообразить, что вызвало его удивление. И наконец, сообразил. — Показалось на мгновение, что в кабинете вошла дочь самого Ивана Авдеева.

Однако всмотревшись в лицо гостьи Воронков, облегченно выдохнул, поняв, что обознался.

«Немудрено. — Подумал он, незаметно переведя дух. — Голова только этим и забита. Да и видел то ее на фирме всего несколько раз.

— Здравствуйте. — Произнесла журналистка и замерла, ожидая приглашения.

— Ну проходите уже, раз пришли. — Орфей Степанович сделал вид, что собирается выбраться из-за стола, но раздумал, и едва заметно кивнул на гостевое кресло. — Вот здесь и располагайтесь.

Девчонка аккуратно присела на стул, положила перед собой маленькую коробочку диктофона, и папку с какими-то бумажками, вопросительно взглянула на хозяина кабинета.

Воронков попытался изобразить хотя бы подобие гостеприимной улыбки, не сумел, и махнув рукой на всех редакторов вместе взятых, шумно выдохнул: — Не ко времени. Понимаете? Мне сейчас не до вас. Давайте перенесем интервью на потом...

Он поднялся, собираясь проводить нежданную гостью к выходу, но вспомнил: А как вы вообще сюда попали?

— На лифте. — Сделала удивленные глаза журналистка.

— Да я не о том... — Орфей Степанович вновь поморщился как от зубной боли. — Сюда, в здание. Кто вас пустил? Воронков оборвал себя и потянулся к кнопке связи с охраной.

— Если вы собираетесь вызвать Дольского, то зря. — Обронила журналистка, перелистывая свои бумажки. — Вы ведь его сами в Москву отправили...

— Слушай-те... ты, я не знаю, что вы там у себя в столице возомнили, но...

— Оля наконец отыскала нужный листок и подняла глаза на красное от злости лицо хозяина кабинета. — Давайте спокойно.

Прежде всего прочитайте вот это. — Она легонько толкнула по зеркальной полировке стола лист. А после, может быть, у вас возникнут более серьезные вопросы, а не какая-то ерунда... про охрану.

— Что еще за... — Воронков мазнул взглядом по криво лежащему посреди стола документу и замер, выхватив знакомый логотип фирмы.

— Откуда? — только и сумел выдохнуть Орфей Степанович прочитав короткий текст.

— Вот видите... — Оля укоризненно хмыкнула. — А вы про какие-то пустяки. Давайте договоримся. Вы ответите на мои вопросы, а я на ваши. Только честно. И хочу предупредить, эта бумажка естественно копия. Оригинал, естественно храниться в редакции.

Воронков перечитал текст еще раз, медленно выдохнул, собираясь с мыслями: — Согласен. Только имейте в виду, не для печати. Текст интервью я буду заверять лично.

Оля кивнула и демонстративно выключила диктофон: — Вопрос первый— Вы знаете, что недавно обнаружена дочь Ивана Андреевича? А если судить по этому документу— именно она единственный наследник.

— Да не дочь, а какая-то аферистка. — Брезгливо отмахнулся Воронков. — Не стоит даже и обсуждать. Наши сотрудники выяснили, что никакого отношения эта самозванка к семье Авдеева не имеет.

— Имеет, или нет, вопрос третий. — Оля, у которой в запасе имелся еще один козырь, не спешила. — Скажите, а вам известно, что на эту, как вы ее назвали самозванку, буквально на следующий день после визита вашего Дольского, было устроено покушение. Это факт, подтвержденный факт. В статье он будет освещен обязательно. Вы следите за моей мыслью? Начальник вашей Службы безопасности навещает самозванку в больнице. Угрожает. Причем даже не стесняется соседей по палате. И в тот же день, или на следующий, это детали, ее пытаются убить. И не говорите, что все это без вашей санкции.

— Господи, да какое покушение? — Едва не простонал Воронков, представив, как могут обыграть жаждущие крови журналисты. — Я не давал Дольскому никаких приказов вообще. Он просто сообщил мне, что объявилась девчонка, лежащая в больнице, которая якобы вспомнила, что она и есть Ирина Авдеева. Лицо у этой..., — Орфей Степанович едва сдержался, что бы не выругаться, —лицо у нее обезображено, документов никаких, подтверждающий свидетелей тоже. Ну кто ей поверит? В каком суде?

А сам Дольский, не мог он действовать на свой страх и риск? — Оля вытянула из папки новый листок. — Вот, кстати еще одно подтверждение. Взгляните.

— Это...это что, ее? Откуда? —Реплика Воронкова оригинальностью не отличалась. — Он тупо смотрел на ксерокопию Ирининого паспорта, и пытался свести полученную информацию в одно целое. — Как все эти бумаги попали к вам?

— Ну мы ведь договорились. — Оля поправила прядь волос, прикрыв едва заметный шрам на щеке. — Правду на правду. А вы мне ее сказать не хотите. С какой стати мне откровенничать?

Взгляд Воронкова скользнул в угол. — Я повторяю...никаких указаний... И если вы напишите по другому, наша фирма засудит вашего редактора. — Орфей Степанович набрал в грудь воздуха, собираясь закончить угрозу, но не успел. Звонок телефона сбил весь запал обличителя.

— Да. — Рывкнул он по инерции. — Да... Корреспондентка? Да. Спрашивает о какой-то истории с покушением на эту, как ее, ну самозванку. Принесла кучу бумаг, касающихся акций...

Он помолчал, слушая негромкий рокот в трубке, тяжело вздохнул и повесил трубку.

— Значит, вы хотите сказать, что эта выходка, с аварией была организована без вашего веденя. — Невозмутимо уточнила Оля. — Что ж, я могу предположить, что вы сумеете уговорить Виктора Сергеевича и он придержит материал. — Приступила Оля к главному. — Но посудите сами, уговорить всех невозможно. Факт, как говорится на лицо. И дело времени, когда кто-то еще раскопает эти факты, а после свяжет воедино. Вы ведь именно этого боитесь?

— Да, боюсь. — В голосе Воронкова прозвучало отчаяние. — Да! Не будь у нас все завязано на один договор, вы думаете мы стали бы ждать эти полгода? И вздрагивать от появления каких-то мифических наследниц. Но если вам известны все наши сложности, раз вы так хорошо подготовились... — Он вдруг успокоился, аккуратно положил на стол ксерокопию паспорта. — Что вы хотите? Вернее сколько?

— Вы меня неправильно поняли. Вернее не поняли совсем. Дело не в деньгах. Я пытаюсь втолковать вам, что Ирина Авдеева жива. И она хочет отыскать убийц своих родителей. И тех, кто подорвал яхту. Вы хоть о яхте знаете?

— Знаю. — А вот тут голос Воронкова потух совсем. — Мне рассказывали... Но мне не понятно, как она выжила? И что теперь будет с акциями...

— Ладно, давайте все по порядку. — Оля сделала паузу, собираясь с мыслями, но тут в интеркоме прозвучал голос

секретаря: Пятнадцать минут прошло...

— Хорошо, я понял. — Орфей Степанович, не отрывая глаз от сидящей перед ним журналистки. — Никого ко мне не пускайте... Я занят.

— Да, Ирина не погибла. — Медленно произнесла Оля, прикидывая, что ей стоит рассказывать, а что нет. — Так уж получилось, что вместо нее на яхте оказался другой человек. Но это уже детали. Ирина обратилась ко мне и представила оригиналы всех документов. Поверьте, бумаги настоящие, но... и в этом парадокс, способны уничтожить фирму в один миг. Нет, она не совсем глупый человек, и понимает, что добиться признания ее права на наследство будет куда сложнее, чем кажется. Суды, апелляции, кассации, и прочие юридические тонкости, которыми будут обставляться ваши адвокаты, способны затянуть дело на годы. Другой вопрос, что ни вам ни ей крах фирмы не выгоден. — Оля оборвала свой монолог, и вынула из папки еще один лист. — Ознакомьтесь пока с ее заявлением о вступлении в наследство, а потом я изложу суть моего визита.

На новую бумажку Воронков смотрел с почти мистическим ужасом. — Он уже прекрасно понял, что, не смотря на несерьезность внешнего вида визитерши, подготовилась к беседе она качественно.

— Так понимаю, что следующий шаг она тоже сделала. — Угрюмо спросил он, прочитав нотариально заверенный документ.

— Вы про арест на регистрацию? — запросто, как о чем-то малозначащем уточнила Оля. — Да, конечно. Ну, мало-ли какая глупость придет в голову вашему... Дольскому, или вам.

— Ладно, предположим, я вам верю... — Воронков опасливо покосился на папку. — А что она хочет?

Вместо ответа Оля вновь потянулась к папке: — Вот распоряжение Ирины о назначении меня заместителем директора фирмы по вопросам... общей безопасности. Не знаю, как такая должность называется согласно классификатора, но думаю, что вы меня понимаете.

— Зачем это? — Воронков хлопнул глазами. — И почему вас? Почему она сама не...

— Во-первых... сама она еще болеет. А во вторых... не хочет спугнуть кое-кого раньше времени.

Чувствуя, что ситуация полностью находится под ее контролем, позволила себе немного расслабиться.

— Я думаю вам нужно немного прийти в себя. — С сочувствием и даже недоумением взглянула Оля на физиономию сидящего за столом руководителя. Кольнуло странное чувство неправильности происходящего. Уж больно не соответствовал

высокой и ответственной должности этот слизняк. Однако скользнуло лишь краем и уступило место удовлетворению от грамотно проведенной операции.

— Не прощаюсь. — Бросила Оля, шагнув к двери. Отворила ее, собираясь покинуть кабинет.

Удар пришелся точно в подбородок. Все вокруг вспыхнуло разноцветными искрами и на мгновение погасло. Падения почти не почувствовала. Туман рассеялся быстро. Она сообразила, что лежит на паркетном полу посредине просторного кабинета. Закашлялась, сплюнув соленым, попыталась подняться, но не смогла. Помешали скованные за спиной руки.

Оля с трудом перевернулась на бок и всмотрелась в показавшуюся громадной фигуру человека, стоящего в двух шагах. Перевела взгляд на хозяина кабинета, вскочившего со своего места, в смятении раскрывшего рот, и вновь посмотрела на своего обидчика.

Что и говорить удар был нанесен мастерски. Последствия его отразились не только на лице. Прислушалась к себе, и поняла, что все тело стало словно ватыным.

— Здравствуй Оля. — Произнес великан, и заглянул в лицо лежащей на полу. — Или не Оля?

И тут ее мозг обожгло узнавание. Перед ней стоял человек с пыльного чердака.

«Как же его звал Алексей? Вовка? Да, именно. Владимир..., он же Лютый, он же Майор. Бывший сослуживец Алексея, ставший ее, Олиным палачом. Выходит, не пропал? Обрюзгшее лицо, шрам, реденькие волосы, зачесанные на довольно приличных размеров плешь. Однако что он делает здесь, и почему... — Додумать не успела. Нога, обутая в щегольский ботинок пошла вперед с невероятной для толстячка скоростью и тут-же вспыхнула боль в боку.

— Владимир Иванович, что вы делаете...? — проблеял Воронков. — Это же... журналистка...

— Цыц. — рывкнул тот и покосился на Орфея Степановича с нескрываемым презрением. — Все в порядке... Это я поймал шпиона Гадюкина. Помнишь такой детский рассказ?

Он вновь склонился над лежащей ничком жертвой: — Ты меня тогда здорово развела. Поверил даже. Только потом сообразил. Нет, не Леха, точно. Вик на такое фуфло не клюнул бы. Ага...

— Стоп. Успеет еще... — Он повернулся к Воронкову. — Ну чего ты застыл, как жена Лота? Свободен. Слышишь, Орфей... тебе говорю. Дольского позови и свободен. Занимайся своими связями... с общественностью сколько влезет.

Воронков, лицо которого стало уже вовсе белым, выбрался из-за стола и осторожно, словно мимо клетки с опасным зверем, проскользнул мимо лежащей на полу журналистки.

Пользуясь секундной паузой Оля попыталась привести в порядок расстроенные мысли, но в голове, гудящей от удара крутилась только одна, но предельно матерная, мысль. — Никакой это не директор, обычный болванчик. А кто же тогда здесь главный? Неужели Лютый? Если так, то по всему выходило, что ее сделали. Просто и незатейливо, словно в примитивном лохотроне. Развели на три наперстка заставив играть по их правилам.

— Что собственно?.. — попыталась Оля изобразить непонимание, чтобы прокатить ситуацию, но вновь задохнулась от острой боли в боку.

— Не устраивай спектакль. — Нарушил молчание Владимир, поправляя реденькие волосики, растрепавшиеся от резкого движения. — Говорить будешь, когда скажу. А пока лежи молча. Для здоровья полезнее.

Дверь скрипнула и в кабинете возник новый персонаж. Оля не могла рассмотреть вошедшего, но судя по всему это вошел Дольский.

Начальник охраны замер на пороге и осторожно кашлянул. — Вызывали Владимир Иванович?

— Вот, познакомься... — С усмешкой произнес Лютый, присев на край директорского стола. — Это и есть та самая Ирина, вернее якобы Ирина Авдеева. А на самом деле Ольга Шилова, двадцати одного года, уроженка города Краснодара. Несостоявшаяся певичка, но, должен отметить, не по годам шустрая. И вообще, надо сказать, весьма и весьма загадочная личность. И опасная.

Дольский недоверчиво посмотрел на лежащую. — Эта пигалица?

— Эта, Саша, эта. Ты будешь удивлен, узнав, что именно эта. Как ты выразился, пигалица уделала столько народа, что даже я, человек выдавший виды, могу снять шляпу. Да что там... она и меня самого чуть было в двухсотые не снарядила. Да... было дело... И вообще, я бы не советовал тебе, Александр подходить к ней ближе, чем на пару метров. Наручники дело хорошее. но... спокойнее было бы ее обездвижить полностью.

— А точно она? У той вся рожа была в порезах, а у этой и ран никаких нет? — недоверчиво возразил начальник Службы безопасности. Да и вообще, я фото Ирины видел. Не похожа вроде.

— Фото, фото... — Лютый прищурил реденькие ресницы. —

Это ты месяц за мои деньги тут в офисе балду пинал, а она успела операцию сделать. Аккурат после твоей идиотской выходки с такси, в клинику и легла. Только лоханулась. В скорой тоже люди работают. И пятьсот евро им за просто так не каждый день платят. Такие вещи запоминаются.

«Глупо, конечно глупо было ехать в клинику сразу.» — С горечью подумала Оля. — Но кто мог подумать, что за всеми событиями стоит именно этот упырь.

— Ладно... поболтали. — Вовка сделал вроде совсем незаметный шаг, но мгновенно оказался рядом с ней. Мелькнула сжатая лодочкой ладонь с короткими пальцами, и Оля погрузилась в забытие не успев даже среагировать на умело проведенный удар.

Очнулась от того, что по лицу текла вода. Затекала в рот, не давала дышать.

Закашлялась, прочихалась, и только тут поняла: сидит на чем-то жестком, примотанная к сидению так, что даже трудно шевельнуть плечом.

— С добрым утром... любимая. — Произнес это Владимир без какой либо интонации, скорее просто озвучил строчку какой то песенки.

Она незаметно осмотрелась. Похоже этот промежуток ее беспамятства ее похититель использовал с пользой. Пустая, без окон комната, похожая на кладовку или подвал. Никакой мебели, труб, нет даже лампочек. Свет падает сквозь матовую поверхность, непонятного, но явно прочного материала.

— Послушайте... —Оля провела языком по разбитой губе, слизнула соленую, смешавшуюся с кровью воду. —Вы сдурели?

— Хорош придуриваться. — Построжел Лютый. — Врать не буду, бумажки твои мне конечно пригодятся, но... ежели и без них, обойдусь.

— Так зачем тогда? — От удивления Оля даже забыла, что находится в несознанке. — Что за театр?

— Театр это ты мне тогда выдала. — Вновь сменил тон на совершенно нейтральный Владимир. — Было время подумать. А сейчас я просто... В общем моральное удовлетворение хочу получить. За все что ты мне сделала.

— Да что собственно все? —Оля попыталась произнести это спокойным, благожелательным тоном. — Вы оружием торговали. Это плохо, конечно, только и я свое дело делала... И пулю по честному поймала. Ну не повезло вам. Я тут при чем?

— Молодец, методичку помнишь. — Похвалил Лютый. — Налаживай контакт, налаживай... Только, если тебя там по уму учили, должны были и про меня рассказать. Не проскочит

психология. У меня учителя куда лучше были. Кстати, вот и первый вопрос: Про цель не спрашиваю. А вот где тебя так натаскать сумели, и кто, это мне интересно.

Отвечать на дурацкий вопрос Оля даже не стала. Ну а как?

— Один раз скажу. — Лютый вынул из кармана сидящего на нем пыльным мешком, пиджака коробочку. — Это химия. Хорошая. Даже крышу не сдернет. Только отходняк после нее такой, что... не дай бог. Поэтому, ты уж сама лучше давай.

— Да чтоб тебе... — Сомневаться в словах памятого жизнью профессионала у Оли не было никакого повода. — Человек, разыгравший столь серьезную комбинацию исполнит угрозу не моргнув глазом. — Ну что я тебе скажу, такого, что ты не знал бы? Про Звягина? Про Атолл? Про Ирину? Но если ты с самого начала при генерале был, и так знаешь.

— Знаю, конечно... — Лютый едва заметно усмехнулся. — Я ему эту операцию и готовил. И про твои выдумки тоже я... реанкарнаторша долбаная...

— Ругаться то зачем?

— Нет, блин, я тебе должен комплименты говорить? Чудом ведь с ними в особняк не сунулся. Веришь-нет, охренел, когда увидел, какой ты вместе с этим паразитом, с Глебом, им устроила. С голой жопой на ветру остался... — Лютый шевельнулся, как видно его эти воспоминания и впрямь зацепили за живое. — А ты молодец. Нет, правда... Толково Максимовских развела. Только на хрена тебе яхта понадобилась? Ну да теперь это и не важно.

— Так это ты ее? — вопрос Оля задала уже твердо зная ответ.

— Ну а кто? Пушкин, что-ли? Нет, я сперва всех валить и не собирался. Старик там вовсе не при делах. Глеб в принципе то же... Я Максимову информацию слил, думал он тебя сам запрессует, а он ни с того ни с сего соскочил. Пришлось по старой памяти, тряхнуть стариной...

Лютый махнул ладонью, словно даже смутившись своей непосредственности, и внезапно рывкнул, мгновенно меняя течение беседы, — Кто? Кто отвечай сука.

Ударил с виду не сильно, однако боль возникшая в груди едва не вывернула наизнанку. Усилием воли погасила болевой шок. Сумела даже выдавить слабое подобие улыбки. Перевела дух, и с искренним сожалением попросила: А может и я разок? Для баланса, а? У кого лучше выйдет?

— И это умеешь? — В голосе мучителя прозвучало даже некоторое уважение. — Молодец. Не ты, дура... Молодец тот, кто тебя всем нашим премудростям смог научить. Такого спеца даже убивать жалко.

— Так отпусти. — Предложила Оля, старательно борясь с дурнотой. Показав, что может блокировать боль, все же до конца погасить не сумела.

Лютый не ответил, задумчиво крутя в пальцах коробку.

«Похоже, будет колоть. — Поняла Оля.

" Еще раз попробовать рассказать правду— бесполезно. Он уже твердо уверен, что меня подвели к нему спецслужбы. Вложили всю возможную информацию, обучили. Его не переубедить. Тогда что? — Понимая бессмысленность, обреченно закрыла глаза.

— Ну, нет. Так нет, придется колоть... — Теперь в его голосе не было ни капли игры, только спокойная констатация факта.

Дернулась, почувствовав, как кожи коснулось что-то острое, и тут-же почувствовала, как начала кружиться голова. Пронеслись перед мысленным взором все, с кем ее успела свести судьба, замелькали, меняясь с чудовищной быстротой события жизни, факты, слова, жесты... Казалось еще мгновение и голова просто разорвется, но тут на самом краю безумия провалилась в спасительную темноту.

Вынырнула из беспамятства от острого запаха нашатыря. И даже не пошевелилась. Сил не было, только всеобъемлющая, немыслимая слабость.

— Интересно... А ведь ты и вправду веришь во всю эту мистику. — Сейчас голос Лютого был куда менее спокоен, чем прежде.

Оля открыла глаза и попыталась сфокусировать взгляд на чем-нибудь конкретном. Не получилось. Зажмурилась вновь.

— Не открывай. — Запоздало предупредил голос Лютого. — Сейчас полегчает.

Вновь кольнуло в плечо. Растеклась по руке тяжесть от непонятного укола.

— Ну как? Ожила?

Кивнула, чувствуя, что и вправду немного полегчало.

— Выслушай меня. — Голос Владимира стал необычайно вкрадчивым, звучал так.словно голос лучшего друга. — Тебя просто обманули. Не знаю кто, но... ничего этого не было, ничего... Ни Лехи, который вернулся в твое тело с того света, ни тех кавказцев. Никого. Ты стала жертвой чьих-то опытов... Тебе внушили все это. Слышишь меня? Ты простая русская девчонка, которой не повезло. Сейчас ты уснешь. И забудешь все чужое, не принадлежащее тебе. Оно уйдет, растворится. Останется только твоя жизнь...

— Ты едешь в поезде... тебе хорошо, позади экзамены. Выпускной. Впереди взрослая жизнь. И все будет хорошо... Даже

если что-то не выйдет сразу... Нет ничего, нет ничего...нет ничего... А потом ты вспомнишь! Вспомнишь все, что было на самом деле...

Голос вползал в уши, заставлял поверить себе, и убеждал.

Чувствуя, что не в силах противостоять этому напору Оля опустила подбородок на грудь, пытаясь вспомнить что-то действительно важное. Такое, без чего ее жизнь станет пустой и бесполезной.

И вдруг... словно разряд молнии пронзил ее мозг. Вспышка ослепила. Тело рванулось в дикой судороге, выгнулось, несмотря на прочные зажимы, а потом обессилело замерло.

Боль заполнила все ее существо. Она рождалась где-то в глубине головы, и плотными, пульсирующими толчками расходилась по всему телу. Казалось нет никакой возможности противостоять ей.

— Стоп! — Голос вырвал ее обратно в пустую комнату. Открыла глаза, недоуменно прислушиваясь к себе. — Странно дикая, всепоглощающая боль исчезла, словно ее и не было.

— Ну я даже и не знаю... — Лютый выглядел так, словно человек, которого обманули в лучших его ожиданиях. — Может сыворотка просроченная? Да ну, с какого вдруг.

Пожал плечами, и словно бы видя ее в первый раз, всмотрелся в Олю. — Не понимаю.

Он запихал использованный шприц в футляр, и двинулся к плотно запертой, без каких-то следов замка, двери. Уже почти дойдя до нее, остановился, вновь озадачено хмыкнул, и обернулся.

— Жаль, конечно. Только... оставить тебя в живых тоже не могу. Нафига мне эти проблемы? Ничего личного, девочка. Мы могли бы даже сработаться, но ты слишком непредсказуема. Кто его разберет, какая программа забита в твоей подкорке. Увы. Придется...

Оля слышала все, но слова проходили мимо измученного сознания. Единственно чего ей сейчас хотелось —это просто заснуть, и лучше всего навечно.

— А знаешь... — Тут на губах Лютого появилось некое подобие улыбки, — я попрошу, чтобы тебя оставили в живых. Точно. Зачем помогать им. А то что это получается, ерунда какая-то. Ты нам всю малину... поломала, и по легкому выскочишь? Ну уж нетушки. У тебя там в мозгах на суровую групповуху кажется завязано? — Он глянул в листок густо исписанный мелким почерком. — Ага... Точно. Ну вот мы все и поправим. Глядишь, клин клином вышибем. Я тебе по Камазовским каналам за бугор отправлю. Валюту для страны зарабатывать. Подальше отсюда.

Скажем к Латиносм. Они блондинок жуть как любят. Всяко любят. Но не долго. Долго там ни одна не протянула. Может тебе их подготовка чуть подольше продержаться позволит. Адье, синьорита. Удачного перелета. Прощай.

— До встречи. — Только и смогла выдавить из себя Оля, когда дверь захлопнулась. Веки ее налились чудовищной тяжестью, в голове зазвучала тоскливая мелодия флейты. А может быть это был скрип трущейся о толстый сук пеньковой петли, в которой висит бесформенное, распространяющее невыносимый смрад, ее тело. Казалось, сон не кончится никогда.

Скрип, карканье сидящей на сухой ветке вороны, палящее солнце, пустое небо... Мгновение темноты и вновь налетает врвущий на части сердце монотонный скрип...

Сколько времени длился этот, кажущийся бесконечным сон, неизвестно, однако в какой-то момент он незаметно уступил место абсолютному, всепоглощающему безразличию. А еще безмыслию и покою. Наверное, именно это и зовется нирваной. Только где-то там, на самом краю неясными тенями скользят какие-то силуэты, ничего не значащие события, люди.

И в то же время Оля отлично сознавала, что не спит. Она даже выполняла какие-то действия. Куда-то шла, останавливалась, повинаясь движениям непонятного спутника, отвечала на ничего не значащие, вопросы людей в какой-то форме, вновь шла.

Но вот наконец досадные события, не дающие погрузиться в блаженный покой окончились, и она смогла насладиться этим состоянием полна.

Слабое беспокойство возникло без всякой причины. Возникли откуда-то глухая, но с каждым мгновением все более различимая вибрация, потянуло холодком от закрытого темным стеклом овального окошка, за которым белели кудрявые облака.

Оля повернулась к сидящему рядом с ней человеку, который держал ее руку в своей ладони, собираясь выяснить что-то, но сосед опередил ее вопрос. Только кольнуло вдруг где-то на сгибе локтя, и вновь опустилась блаженная безмятежность.

Вновь вынырнула в реальность в салоне пропахшей потом и табачным перегаром машины. Блаженный покой едва не сменился необъяснимой, но вполне осязаемым беспокойством, перемешанным с недоумением. Успела только удивиться тяжелой почти физической духотой, но пришел на помощь безликий спутник. Вновь сдавил железной хваткой предплечье, а следом за ставшим уже привычным уколом вернулось райское наслаждение.

И вдруг все изменилось. Сначала навалилось необъяснимое беспокойство, его сменила тревога, а уже потом пришел

настоящий страх. А чуть позднее пришла боль. Тягостная, мутная, выворачивающая каждый сустав, каждую косточку. Бьющая в виски, мешающая дышать. Оле казалось, что она умирает. Невыносимо захотелось вернуться в прекрасную тишину, забыться. Попыталась встать, но не сумела даже шевельнуть рукой. Собралась, настроилась, и вложив в усилие все чему ее успел научить старый мастер, заставила организм отвлечься от выматывающей боли. Справиться до конца не смогла, однако стало немного легче. Совсем чуть-чуть, но теперь сознание уже включилось в работу. И первым сюрпризом стало осознание того, что она лежит на какой-то рваной подстилке, пристегнутая за руку к трубе.

Дернула руку, проверяя качество наручников, оглянулась, стараясь понять, где она. Убедившись, что вспомнить не в силах, закрыла глаза и сосредоточила внимание на себе. Вернее на тех непонятных вещах, которые творились с ее организмом. Старательно исполнив парочку упражнений, почувствовала, как возвращается ясность мыслей, отступает ломающая тело слабость и боль.

— Теперь можно и порассуждать. — Выдохнула Оля, торопясь воспользоваться недолгой передышкой. — Судя по всему, плешивый сослуживец Алексея выполнил свою угрозу. Больно уж знакомой кажется духота и сырость. Понятна стала и причина ее столь странного состояния. Кололи не обычную наркоту, а что-то специальное. Иначе на таможне сопровождающего обязательно бы тормознули. Может потому и отходняк не столь тяжелый.

Вспомнив про последствия Оля охнула. Голова вновь начала дико болеть.

— Сука. — Невежливо помянула пленница злобного выдумщика, одновременно пытаясь отыскать в карманах узеньких джинсиков что-то похожее на отмычку. Увы, в отличие от того, первого раза, никаких заколок и тем более кусков проволоки не нашла. Собственно не было вообще ничего.

Обыскали на совесть. — Мимолетно огорчилась Оля, не прекращая впрочем, поисков.

Шляпку гвоздя, торчащую из покوروبившегося плинтуса, заметила, когда уже было начала падать духом. Неторопливо, старательно размяв подушечки, сосредоточила внимание на кончиках пальцев, сжала острые края. Текущая по пальцам кровь мешала здорово, однако после нескольких рывков гвоздь вылез из своего паза.

Наскоро вытерла порезы, и повторила усилие. Теперь нужно было согнуть прочное железо под прямым углом.

Собаться и выполнить нехитрое упражнение здорово

мешали последствия химии, поэтому провозилась минут пять. Зато открыть застёжку наручников импровизированным ключом хватило и минуты.

— Уф... —Облегченно выдохнув Оля покрутила головой, осматривая помещение. Комната, как комната. Скорее всего загородный мотель, или кемпинг. Окна, затянутые противомоскитной сеткой, плафоны дешевеньких светильников на стенах, тахта, заправленная полосатым, имитирующим зебру покрывалом, стол... Все относительно чистое, безликое, но не слишком дорогое.

Движение за тоненькой, от честных людей, дверью уловила скорее интуитивно. Рванулась на подстилку, сунула ладонь в загодя приготовленное кольцо наручника, замерла в прежней позе.

Дверь скрипнула, послышались аккуратные шаги. Человек на мгновение замер посреди комнаты, явно наблюдая за лежащей в углу пленницей, затем приблизился и склонился. Пахнуло дорогим, но уже успевшим смешаться с потом одеколоном.

— Эй... — Тронул наблюдатель Олино плечо.

— Крутанулась, рванув мужчину за локоть неосмотрительно вытянутой руки, и дозировано, чтобы не успокоить раньше времени, впечатала ладонь в живот потерявшего равновесие надзирателя.

— Так вот ты какой, олень северный.... Выдохнула Оля, разглядывая лежащего ничком Дольского. — Похоже с личным составом у господина Сидорова совсем негусто. Что-ж... тем лучше.

Охлопала карманы, извлекая на свет стопку лиловых купюр, перевернула на спину, и достала из нагрудного кармана летнего пиджачка бордовые книжечки паспортов, коробочку с парой ампул.

Закончив обыск подвинула легкий, ротанговый табурет так, что бы не упускать из вида вход, и приготовилась к ожиданию.

— Вставайте граф, вас ждут великие дела... — Произнесла Оля, заметив, как задрожали веки начальника службы безопасности фирмы. — Хватит придуриваться, говорю.

Поднялась, и легонько пнула носком туфельки в колено. Дольский вздрогнул, дернулся, едва не оторвав кисть пристегнутой к трубе руки, уставился на стоящую перед ним девочку.

— Что вы так смотрите, неужели он вас не предупреждал? — Удивилась Оля. — Или вы ему не поверили? Выходит, зря. Он хотя и сука, но спец грамотный. Он дело говорил. Ну да ладно. Даю десять секунд на то чтобы осознать произошедшее, потом

буду спрашивать. Предупреждаю... игры в партизан не принимаются. Я не гестапо, конечно, однако ногти тебе вырву без каких либо мук совести.

Оля прервала монолог, глянула на лежащего в неудобной позе Дольского.

К его чести кричать и ломать комедию не стал. Осторожно поправил вдавившийся в запястье браслет, и попытался принять более удобную позу.

— Вижу — готовы. Тогда приступим. — Оля сложила губы трубочкой. — Вопрос первый— Почему сюда. Неужели ближе борделей не нашлось?

— Визу делать не надо. — Хмуро буркнул Дольский. — А здесь у него контрагенты.

— Ну, это понятно... — Оля усмехнулась. — Если бразильские—то алмазы, если Колумбийские, то наркотики. Давно с ним работаешь?

— Его к нам Звягин привел. Назначили замом... А когда Авдеев погиб, то автоматом директором стал.

Оля смущенно кашлянула, выругав себя за глупость. — Ну как можно быть настолько бестолковой. Неужели трудно было выяснить?

— А вы молодец, хорошо держитесь. — Произнесла она, отработывая установление контакта. — Как вас, зовут, кстати?

— Анатолий... — Голос пленника дрогнул, но выправился. — Анатолий Михайлович.

— Анатолий Михайлович, а вам не стыдно? Ведь наверняка понимали, что не на прогулку везете? И лекарство ваше не от гриппа вовсе. И что мне теперь с вами делать? — Она и вправду была в некотором затруднении.

Дольский промолчал.

— Я вас предупреждаю. — Укоризненно произнесла Оля. — Вы человек явно служивый, и должны понимать, что я не шучу. Если спрашиваю — отвечайте, иначе будет больно. Если молчать будете, придется вам передоз устроить. Вашим же, к слову, препаратом.

Странно, но Оле он почему-то понравилось, как держится пленник. — Без криков, без угроз. Спокойно.

— Ладно..., пока и вправду не уколошили, перейдем к делу. — Внезапно нарушил паузу Дольский.

Сказанное им, а скорее интонация, с которой он это произнес, заставили Олю насторожиться. — Не соответствовало поведение ситуации, хоть ты тресни. Что-то было не так, не правильно.

Оля бросила короткий взгляд на дверь, всмотрелась в трубу, проверяя ее крепость, и пожала плечами: — Попробуйте.

— Да я собственно уже все сказал. Остальное Владимир Иванович записал на флешку. Вон там, в сумке ноутбук... А флешка в карманчике.

«Все страньше, и страньше... — Озадачено подумала Ольга, но вынула из пижонского кейса плоский компьютер. Недолгое ожидание загрузки, и вот на экране появилось изумрудно зеленое поле заставки.

Включила компьютер, не забывая краем глаза поглядывать на терпеливо ожидающего продолжения пленника, нажала кнопку...

Радости от лицезрения физиономии, появившейся на экране, мягко говоря, не испытала. Да век бы ее, эту рожу не видеть. Однако любопытство победило. К тому же монолог оказался весьма занимательным.

— Привет. — Произнес Лютый, глядя в камеру. — Если ты смотришь эту запись, значит, я рассчитал все правильно, и тебе хватило мозгов не укокошить моего исполнителя.

Владимир провел по редким волосам ладонью, ненароком коснулся шрама на голове, и продолжил. — Не буду тянуть. Снадобье, ампулы с которым ты наверняка у Дольского тоже нашла, называется скополамин. Признаюсь, не собирался тебя ни куда отправлять. К чему? Прикопали бы и все дела. Только после того, как поспрошал... Сыворотка— вещь надежная, и работает. Интересно мне стало. Проверил — все в цвет. И командировка соответствующая у... моего напарника была, и Мурену он сделал, и выскочил... И вот подумал я, а прочему бы и остальному правдой не оказаться. Теперь у тебя есть возможность додумать самой, что меня интересует и для чего вся эта карусель.

Оля покосилась на коробочку. Еще бы ей было не знать паскудные свойства этого препарата. Проходили, да и что уж там, и самому Алексею приходилось использовать это развязывающее любые языки средство. Выходит теперь о затерянной в сельве пещере с золотом знает и Лютый. И становится абсолютно понятно, что он от нее хочет. Вздохнула, удивляясь человеческой тупости, и продолжила просмотр послания.

— Наверняка ты и сама уже догадалась, что я не собирался отправлять тебя за тридевять земель для того, чтобы тебя там тупо затрахали... Это можно было организовать и без столь сложных комбинаций. Признаюсь, напакостила ты мне крепко, однако это вовсе не повод, что бы устраивать глупую вендетту. Непрофессионально. И потому хочу сделать тебе предложение, от которого ты конечно можешь отказаться... — Тут губы Лютого сложились в ехидную, как показалось Оле, улыбку.

— Предложение простое. Отыскать Это, и...поставить маячок. Остальное — моя забота. Поделим — как в песне...Тебе половина

и мне половина. — Пошутил Владимир, но оборвал себя. — Ты, наверное сейчас пальцем у виска крутишь? Мол, совсем дурак? Так я ведь не дурак. Есть у меня, что тебе взамен предложить. В общем — если как нужно исполнишь, я все расклады по Лехиной гибели собственноручно напишу, и тебе отдам. Нет, не все, конечно. Кое-какие детали, извини, опущу, но и для его реабилитации и остального вполне хватит. Ты, как я понял, этого хочешь? Вот и давай... баш на баш. Учти, что одной тебе Это из джунглей не вытащить. Партизаны там разные, да и вообще...А у меня здесь схвачено. Контрагенты помогут... Они, конечно тоже не ангелы, но в данном случае не обманут, поскольку... В общем, я им доверяю. тебе человек мой поможет. Он тебе и остальное расскажет.

Оля задумчиво смотрела на погасший экран ноутбука, и пыталась понять, что ей делать. По всему следовало соглашаться. И не из-за золота даже. Заставить Лютого подписать признание в обмен на эти сокровища — вполне реальна. Нужно лишь все как следует продумать.

Захлопнула крышку компьютера, повернулась к лежащему у окна и бросила ему ключи от наручников.

— Ну что, отпирайтесь, напарник, будем думать, как жить дальше, что делать. — Весело сообщила она. — Идти придется далеко, нужно хорошо подготовиться...

Все вокруг нее было как в том сне. Зелень тропического леса, мутная вода реки с непроизносимым названием, заполошные вопли перепуганных птиц в кронах. На месте оказался и заросший лианами вход в пещеру.

Оля смотрела на тусклый блеск золотых украшений. Сейчас, после всего, что ей пришлось пережить по пути к ним, ей было совершенно безразлично сколько стоит это сокровище. Сейчас хотелось лишь одного, чтобы все кончилось. Неважно как, только кончилось. Устало присела на скользкий от мха камень, провела шершавой от засохшей крови ладонью по лицу, смахнув куски прилипшей паутины.

— Вот и конец. — Она вовсе не обольщалась на счет намерений ожидающего ее возле входа в пещеру Лютого, и обманывать себя надеждой подобраться к нему на расстояние удара тоже не хотела.

Выстрелит, едва она появится из узкого проема на свет. И не промажет. Это уж точно. Положит все три пули точно в цель. Две в корпус, одну, контрольную в голову. Так же как он застрелил Дольского. Аккуратная дырочка во лбу, и громадное, безобразно кровавое, выходное на затылке.

Мало иметь память... бойца. Нужно им быть. И не стоит себе

врать. — Обессилено подумала Оля. — Вариантов лишь два. Сидеть здесь, пока не кончатся остатки сухого пайка, а потом умереть от жажды и голода, или решить все разом.

Она шмыгнула носом, машинально почесала кожу лица, растревоженную ударами веток, и поднялась.

— Возвращаются все... кроме тех, кто нужней... — Пришла вдруг на память строчка из песни. — Пора. Какой смысл тянуть. Жаль только, что... Всего и нужно для счастья — парочка патронов. Тогда можно было и рискнуть.... — Поняв бессмысленность фантазий, отбросила в сторону бесполезный пистолет.

Обратная дорога показалась бесконечно долгой. Но вот наконец в темноте возникло пятно света, увеличивающееся с каждым шагом.

Возле самого выхода замерла, бездумно глядя на изумрудный лиственный занавес. — Неужели он обманул? — Ей вспомнилась последняя беседа с Алексеем. Хотя... почему обманул? Все как и обещал. И боль была и потери, и смерть. Любви, правда, не вышло, и счастья как-то не отыскала. Значит, не заслужила. Так тому и быть.

И внезапно, не давая страху задавить порыв, шагнула вперед, раздвинув плечом зеленую занавесь.

Выстрела не услышала. Только ударило в грудь что-то тяжелое. Отбросило назад, на мягкий, заросший травой бугорок. А следом пришла темнота. Все.

Удивление, смешанное с вовсе уж непонятным чувством заставило открыть глаза. Все та же зелень листвы, сухая, колкая трава под рукой, и вдруг поняла: Лежит на тонкой шершавой подстилке, упирая щеку в гладкое ложе винтовки. В ухе прошелестел неясный голос: Слева двое. Плавно, без рывков пошел в сторону ствол обмотанный ремками суровой ткани, хлопнуло дважды.

Минус два произнесла она в микрофон, и только тут поняла, что узнала его голос...

А затем в голове пронеслись усталые, без особых эмоций мысли: Сорок уже, а ты все в капитанах...

УАЗ с парочкой пассажиров выскочил из-за рыжего края скалы, замер. Тормознула идущая позади «Нива», и тут же несильно торкнуло в плечо. Хлопнул задавленный глушителем выстрел.

— Два один, уходим... — Прошептала в пуговку микрофона, отползая в сторону.

Бежать вверх по склону, придерживая лежащую на плечах винтовку было не в пример легче, чем даже просто идти в

непроходимых джунглях. Вот только мешал сосредоточиться, сбивал с мысли, короткий рефрен.

И вдруг ее обожгло понимание. — Еще минута, максимум две, и будет поздно.

Собралась и медленно, подбирая слова, произнесла короткую фразу. Повторила. Еще и еще раз. Леха недоуменно покрутил головой, замедлил бег, прислушиваясь к звучащему в сознании шороху.

Вовка — Иуда? Да ты охренел, Леша? С каких-таких дел? — Пробормотал снайпер, и попытался продолжить движение.

Ты только проверь. Что тебе стоит? — Вкладывая в слова всю душу произнесла Оля. — За минуту ничего не случится. Осмотрись, со стороны, глянь в оптику...

Алексей хмыкнул, ткнул пальцем в лохматую шапочку, выбив наружу русые, слипшиеся от пота волосы. — Фиг с ним... Минута ничего не решает. Махнул он рукой, и уже неторопливо двинулся вверх по склону, забирая в сторону. Обойдя место сбора, прилег за парочкой обросших мохом камней почти у самой вершины, вытянул из крепления винторез. Усиленная оптикой поляна казалась вымершей. Тихо... А где-же Вовка? И тут в окуляре прицела возник едва различимый на фоне пятнистой травы силуэт.

— С каких это пор Лютый бороду начал носить? — Озадачено хмыкнул Алексей. Передвинул ствол чуть в сторону. — Точно-духи. Минимум трое, а может и больше. Хорошо лежат, тихо. Не шелохнутся.

И тут в плотно прижатом наушнике возник Вовкин голос: — На месте, чисто... Вик, ты где?

— Оп-па... Как это чисто? — Опешил Алексей. — Я что место спутал. От удивления даже едва не подал голос. Однако сдержался.

Шепот прозвучал в голове. — На три часа... Возле деревца...

Переместил ствол, принял к окуляру, и с еще большим удивлением разглядел лежащего возле корней друга. Вовка лежал на приличном отдалении от полянки, сосредоточено глядя на место, откуда должен был подойти сам Леха. А рядом с боевым товарищем виднелась еще одна бородатая морда. Смуглолицый грозно ощерился, сверкнул глазами, и мягко повел рукой, изобразив интернациональным жестом отделения головы от тела.

Вовка пожал плечами, и вновь прозвучал в наушнике его голос: — Я на точке, что случилось, Вик? Время!

А вот теперь в голосе его звучала настоящая, хотя и хорошо скрытая тревога.

Уходим по плану два. — Отозвался Леха, внимательно следя

за Вовкиной мимикой.

Тот растеряно обернулся к соседу. Развел руками, выражая недоумение.

Движение клинка в руке бородатого абрека Алексей отследить не успел. Только в наушнике послышался хрип и бульканье.

— Обмануть нас хотел, собака. — Произнес грубый, гортанный голос. — второй ушел. На этого все и повесим. Эй... Заур, неси бумаг, что этот шайтан нам дал. Ему засунь...

— Огонь. — Скомандовал Алексей себе, совместив перекрестие прицела с виском командира. Следующего, затаившегося возле большого камня, снял со второго выстрела и рвнулся в сторону, меняя место дислокации. Ушел в самое время. Оставшиеся в живых бандиты успели прийти в себя и открыли ответный огонь. Однако пули ушли далеко в сторону.

Третьего выцеливал куда дольше. Терпеливо выждал, когда басмач отстрелял всю обойму и повернулся, вынимая из подсумка новый магазин. Коротко хлопнул винторез, голова бандита ткнулась в высокую траву.

Леха выудил из кармашка жилета парочку гранат, рванул чеку и одним взмахом, словно плывя брассом, швырнул гостинцы парочке в камуфляже, укрывающейся на другой стороне поляны.

Откуда прилетела шальная пуля даже непонял. Только почувствовал, как зажгло в плече, и намок теплый, одетый под камуфляж свитер.

— Зацепило... — Охнул он, вытягивая из кармашка пакет. — Ничего... Их тоже всего ничего осталось.

Нарастающий звук вращения лопастей заполнил пространство как-то враз. Мелькнула, на мгновение закрыв неяркое осеннее солнце хищная тень.

— Наши... — Облегченно выдохнул Алексей, и откинулся на мягкую траву, слушая, как бьется в висках кровь. Голова сладко поплыла, глаза заволокло матовой пеленой, зашумел в ушах океанский прибор...

Оля перехватила ремешок сумочки и в очередной, третий уже раз внимательно прочитала фамилии абитуриентов, прошедших конкурсный отбор. Увы... ее фамилии все равно не было. Была Шабрина, Шишкина тоже была, Шиловой не было.

— Неужели не судьба? — Еще не поняв глубины своего фиаско вздохнула Оля, выбираясь из плотной толпы. Постояла на пятачке возле фонтана, а заем медленно пошла прочь от величественного здания с портами и колоннами.

«И что теперь?» — только тут несостоявшаяся студентка сообразила, что будучи в полной уверенности, не оставила денег

на обратную дорогу.

— Дура ты, Оля! — Посетовала девчонка, шмыгнула носом, но сдержала готовые навернуться на глаза слезы. — Не хватало еще, чтобы тушь потекла.

— Ничего... придумаем. — Беззаботно рассудила Оля, когда зеленая крыша театрального училища скрылось за крышами других зданий. — Не домой же ехать, на самом деле. Она опустилась на скамью, и подняла к глазам газету. — Ну вот... а ты нюни распускать. — Уже совсем весело заключила она, бегло просмотрев раздел объявлений. — Вот пожалуйста, требуются танцовщицы... элитный клуб... жильем обеспечиваются. Еще раз прочитала адрес разместившего рекламу агентства. — Новый Арбат дом... Хм, Новый? Да я и где старый то не знаю. Как его тут найти?

Оля поднялась с крашеной зеленой краской скамьи, отряхнула вытертые джинсики, поправила волосы.

— Простите... Вы не подскажете, где Новый Арбат. — Обратилась она к идущему мимо военному. Офицер остановился, повернул к ней голову. — Что?

— Новый Арбат ищу. Не подскажете — Повторила Оля.

— Да я и сам не местный, — Офицер вновь как-то смешно покрутился на месте, поворачиваясь всем телом. — Кремль вот теперь знаю, а до Арбата еще не добрался. — Только тут Оля заметила, что на груди военного, прямо над клапаном кармана, висит маленькая золотистая звездочка, прикрепленная к трехцветной колодке.

— Ой, а вы, правда, Герой? — С детской непосредственностью удивилась она, уже внимательнее глядя на своего собеседника. — Высокий, с ровной армейской выправкой, чем-то похожий на иностранного киноактера, только немного старше, он смотрел спокойно, и чуть усмешливо. — Ну какой я герой. Нормальный человек. — Отозвался офицер. — Повезло просто.

Он вновь улыбнулся, став отчего-то совсем простым и даже немного знакомым, увы, не подскажу.

— Ну и ладно, сама найду. — Оля, потеряв интерес к военному, глянула по сторонам, собираясь спросить еще у кого-то, но вдруг услышала его голос.

— А вам туда зачем? — Запросто, словно обращаясь к старой знакомой, спросил офицер.

— Открыла рот, собираясь отшить приставалу, но вдруг замерла, и всмотрелась в его лицо.

— На работу хочу устроиться. — Неожиданно, наверное, даже для самой себя ответила она правду. — Я сегодня в институт провалилась. Вот и решила...

— Можно я вас провожу. — Предсказуемо продолжил военный. — Меня Алексеем зовут.

Оля фыркнула и глянула на погоны стоящего перед ней военного. — Одна большая звездочка и две полосы. Кажется — это майор... Ну да, точно, папка говорил.

«А вы знаете, что к девушкам на улице приставать неприлично... тем более в вашем возрасте». — Хотела она отбрить нахала, но вдруг ответила. — А меня Оля...

— Так я провожу. — Офицер произнес это как само собой разумеющееся, и аккуратно, но твердо взял ее под руку. — Вы можете считать меня кем угодно, только у меня такое чувство, что я знаю вас сто лет. Не поверите...

Оля не ответила. Она шагала рядом с Алексеем, и никак не могла понять, отчего ей вдруг стало так легко и спокойно.

Конец.

Декабрь 2012 г.